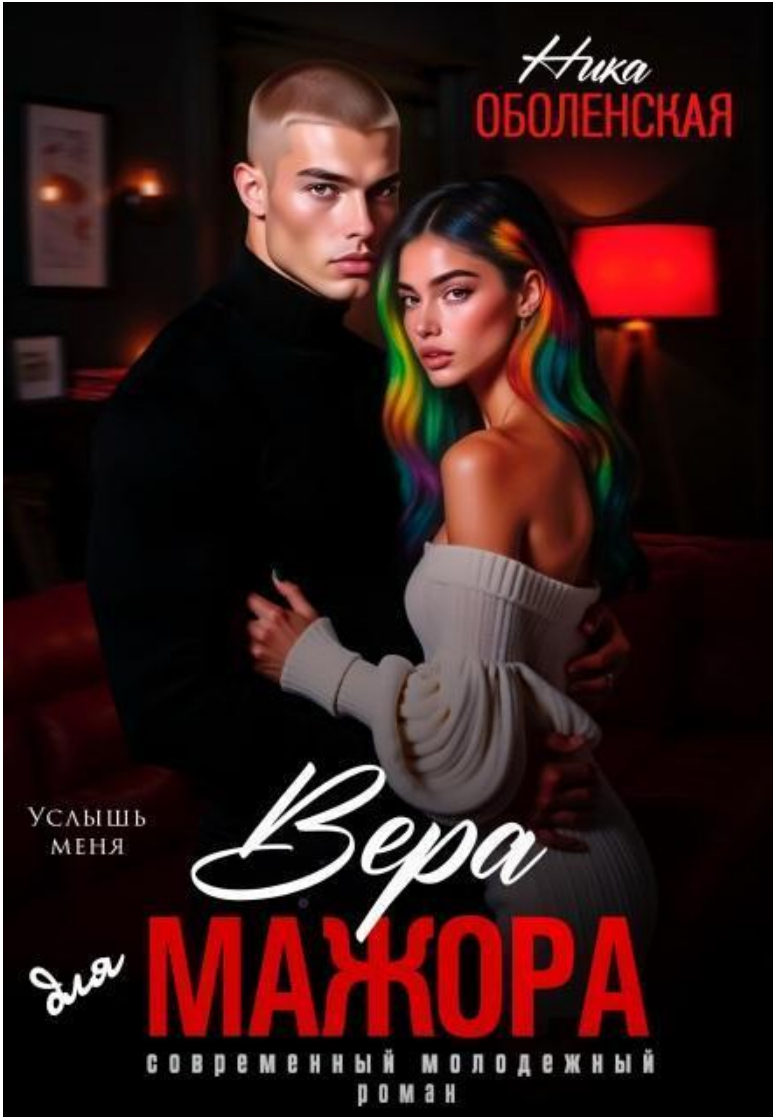

Ника
ОБОЛЕНСКАЯ
Услышь меня
Вера для МАЖОРА
современный молодежный роман

Ника Оболенская
Вера для мажора. Услышь меня

https://litres.ru/74212772

Аннотация

НОВИНКА ПРО СПЕЦНАЗ:

— Ты глухая…

Растерянность во взгляде Веры Зайцевой сменяется жгучей ненавистью.

— Надо же, — она выплевывает слова, как отравленные пули, и вырывается из моих объятий.

— Догадался, наконец. Да, глухая, и че? Теперь ты доволен, урод?

— Доволен?Да я полном шоке!

Тимофей Сафонов — мажор, которого прислали к нам в центр на «перевоспитание». Избалованное создание.

Между нами — война. Но каждая война рано или поздно заканчивается перемирием. А за ним следует то, от чего сладко сжимается сердце и перехватывает дыхание.

Мажор и глухая девчонка — что может быть безумнее? Но что делать, если мы оба не знаем, как это безумие остановить?

наглый мажор

героиня не слышит, но себя в обиду не дает (и вообще не дает)

эмоциональные качели

дерзкие диалоги

!!# ОСТОРОЖНО: в романе очень много мата. Нежные фиялки, я вас предупредила, претензии по этому поводу не принимаются.

ДРУГИЕ КНИГИ ЦИКЛА "Горячие RED флаги":

История про Алекса Бессонова

Содержание

1. Вера. Энтузиаст 6
2. Вера. Сделай ему больно! 11
3. Тим. Похмелье, труп и батя 17
Герои истории 24
4. Тим. Наставник 25
5. Вера. Бабуин 30
6. Тим. Ведьма 34
7. Тим. Так даже интереснее 40
8. Тим. Вендетта 46
9. Тим. Секрет ведьмы 50
10. Тим. Глухая 58
11. Тим. Пытки 66
12. Вера. Читай по губам 72
13. Вера. Гаденыш 77
14. Вера. Женщина в белом 81
15. Тим. Треш 87
16. Тим. Злая 92
17. Тим. Защитнички 96
18. Тим. Татьяна 104
19. Тим. Наведем красоту 109
20. Вера. Тысяча роз 117
21. Вера. Твари 124
22. Тим. Психичка 130

23. Тим. Ведьма, нам пи… 136
24. Вера. Примкни и возглавь 143
25. Тим. Слезы бывших 150
26. Тим. Один друг 157
27. Тим. Триста 162
28. Вера. Поехавшая 169
29. Тим. Обезоружена 174
30. Тим. Это у тебя в крови 179
31. Тим. Душа Ведьмы 184
32. Вера. Ща будет мясо! 189
33. Вера. Капля яда 194
Конец ознакомительного фрагмента. 199

1. Вера. Энтузиаст

Данная книга предназначена для читателей старше 18 лет!

В книге присутствуют сцены употребления алкоголя, курения и сцены эротического содержания, а также ненормативная лексика.

Все события вымышлены, любые совпадения случайны.

Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении.

— Мальчики, я не смотрю! — кричу, залетая в мужской туалет. — Щас быстренько пописаю и свалю.

А что поделать, если в женский — километровая очередь, а мочевой пузырь у меня один, единственный и неповторимый? Я и так терпела дискомфорт почти час.

Парни у писсуаров скалятся, выворачивая морды. Их голоса сливаются в один дребезжащий гул. Мельком читаю по губам, к кому из них я могу присесть на шесток.

Мачомены херовы.

С писькой наголо, а все туда же!

В другой ситуации я бы с удовольствием посабачилась в ответ, но я сейчас просто лопну!

Какая-то парочка энтузиастов неистово и с огоньком сосется у зеркала. Телка так приникла к эмче, что еще немного

— и рыжуля покажет фокус самки богомола. Откусит бедолаге башку. Ее рука с опасно длинными красными когтищами активно шурует в районе его ширинки.

Буэ! Мерзость-то какая!

Едва сдерживаю рвотный позыв, захлопывая за собой дверь свободной кабинки.

Делаю свои делишки, а когда тяну дверь на себя, нос к носу сталкиваюсь с тем самым энтузиастом. Уперевшись руками в проем, этот выживший самец богомола преграждает мне путь.

Черт! Я его не услышала!

Быстро стреляю глазами ему за спину, но его бесноватой телки на горизонте не видать.

В ахуе несколько секунд молча пялюсь на эту оборзевшую блондинистую морду. Морда, кстати, смазливая. Черты лица хоть и крупные, но достаточно гармонично сочетаются между собой.

Я бы, может, в другой ситуации, даже признала парнишу красавчиком… но всю малину портит выражение на этой породистой морде.

Такое, знаете, скотское.

Будто он уже заранее оценил меня, купил, поимел и бросил. А я в лучших традициях бразильских сериалов еще стопятьсот серий бегала за ним, пытаясь доказать, как он мне безразличен.

Ага, щаз! Бегу и падаю!

— Привет, — гудит он, растягивая звуки.

Его голос настолько низкий, что пробивает мою тугоухость.

— Клапан прижало? — ершусь и поджимаю губы.

Богомол, покачиваясь, дергает ртом в подобии ухмылки, и из этого рта вылетает:

— Сколько?

Ну что я говорила?

Складываю руки на груди и неторопливо окидываю взглядом эту отрыжку мудака… ой, простите, мужика!

Хотя, нет, постойте. Я не ошиблась.

Одетый в моднявые шмотки пижон, благоухающий как парфюмерный бутик — и есть мудак. Наверняка у него полный лопатник денег и кро-о-охотный кривой член.

— Ты явно ошибся адресом, — говорю, смело глядя в нахальные и какие-то пустые глаза. — Я не трогаю чужие писюны за деньги.

— Филантропка, что ли? — ржет этот гад и резко подается вперед, почти втискивая меня обратно в кабинку.

Лицо обдает сивушными пара́ми. Да он же пьяный в дрова!

— Ради такого случая могу дать за щеку бесплатно.

Я успеваю прочесть эту пошлятину по губам, когда еблан сгребает меня в охапку и прижимает к своему сокровищу в штанах.

Э, какого!..

— Пусти, урод! — рявкаю и толкаю его в грудь, отвоевывая пространство для вдоха.

От него так смердит алкашкой, что я рискую окосеть, просто надывашись ею.

— Люблю строптивых, — выдает козел и глумливо скалится. — Давай-ка, открывай ротик, у папочки для тебя есть леденец.

— Я те щас его отгрызу! — рычу, выкручиваясь из объятий.

Гандон совсем теряет берега, наваливаясь на меня. Его руки шарят по моей заднице, больно тиская. Губы шевелятся у моего уха, чувствую как его грудная клетка вибрирует, но я ни хрена не слышу, что он там говорит. Кровь долбит так, что голову ведет.

Пока мозг впадает в ахуенез, тело начинает действовать: резко двигаю коленом вверх и впечатываю его в мужской пах. В ту же секунду мудак отпускает меня и с болезненной гримасой на роже складывается пополам.

Не сдержавшись, на адреналине даю ему смачного подсрачника, отправляя поближе к толчку.

— А-а-а! — Его рев настолько громкий, что улавливается даже моими оглохшими ушами.

Повернув ко мне лицо, мудила выплевывает:

— Ты че творишь, сучка?!

Сам первый начал, вонючий песий сын.

— Показываю, где твое место. Да чтоб у тебя член отсох!

— кричу напоследок и свинчиваю отсюда нахрен на пятой космической.

Руки я уже мою в женском туалете. И торчу там еще добрых двадцать минут, не рискуя попасться на глаза любителю давать всем за щеку.

Внутри все кипит от негодования. Надо было еще и нос ему сломать!

Бросаю взгляд в зеркало. Там отражается девица с разноцветным гнездом на голове — моя гулька на макушке давно растрепалась, — с глазами дикошарой кошки и свекольными щеками.

Рядом торчит расфуфыренная мадам. Бросая на меня презрительные взгляды, она вазюкает блеском по губам-пельменям. Закончив с бьюти процедурами и сморщив отпиленный нос-мухоловку, шлепает губищами. Она явно обращается ко мне, но у меня нет сил разбираться с ее пельменной артикуляцией.

И я тупо киваю:

— Ага.

Пальнув по мне взглядом на прощанье, мадам цокает на выход, а ее место занимает точно такая же мамзель. Их на одном заводе штампуют, что ли?

Прикрываю глаза, отгораживаясь от внешнего мира темнотой и тишиной.

Капец, сходила, Вер, за хлебушком…

######

2. Вера. Сделай ему больно!

Вываливаюсь вместе с толпой девиц из тубзика.

Первые пару минут дергаюсь, ожидая, что вот сейчас из темноты как выпрыгнет Энтузиаст с микрочленом, как уволочет меня на разборки из-за разбитых яиц.

Но все тихо и спокойно (если так можно сказать о клубе), и я расслабляю булки.

Народ колбасится под очередной диджейский сет. Басы резонируют мне прямо в грудную клетку, ускоряя сердечный ритм. Лучи стробоскопов режут пространство на стоп-кадры, придавая моим движениям резкости и флеш-скоростей.

Пробираюсь мимо толпы к бару. Во рту после разборок сухо, как в пустыне.

Леха — знакомый бармен — кивает мне гривой и толкает в мою сторону большой стакан апельсинового сока.

Облокачиваюсь грудью на стойку, тяну прохладную сладость, покачиваясь в ритм.

Я могла бы сказать, что музыка оглушает, но в моем случае это оксюморон. Я не слышу большую часть звуков.

Девчонка рядом, в платье, напоминающем пояс, едва справляется с координацией, пьяно моргает, а потом машет Лехе рукой.

Встречаемся с ней взглядами, и та расслабленно мне улыбается, салютуя стопкой с горящим синим пламенем. Растя-

гиваю губы в ответ и чокаюсь с ней своим соком, ловя ее вайб.

Ауф.

Если не считать минусы, то здесь прикольно — громко, заряженно и нет нужды с кем-то общаться через рот.

Из минусов — толкотня меня бесит. Иногда я с завистью поглядываю на насесты танцорш гоу-гоу. Вот у кого есть пространство для маневра без риска получить локтем под ребра.

Второй минус — цены космос! За вот такой стакан сока я бы выложила два кэса, если бы Леха брал с меня бабки. Две тыщи рубасов, Карл! За сок, перелитый из пачки в стекло.

Но Эйфория не зря считается самым крутым клубом в городе — ценник оправдывает статус элитного заведения. Здесь, обычно, тусят всякие блогеры, сливки-ленивки и золотая молодежь, которую я называю «позоло́тка».

Интересно, мистер Яйца Всмятку чье-то золотко?

Вспоминаю его взгляд «я все папе расскажу», и аж на сердце радостно.

Какой-то мачомен оттирает меня плечом от моей пьяненькой соседки. После непродолжительного общения, подхватывает ее под ручку и бодро уводит в неизвестном направлении.

Ну или известном… это как посмотреть. Знакомая хостес рассказывала, какие здесь в тайных комнатах творятся оргии.

Да, третий минус как раз-таки касается магии вне Хо-

гвартса.

Пафосный клуб просто кишит мачоменами. И они постоянно путают это место с рынком шкур.

Не осуждаю... Многие девушки, возможно, пришли сюда именно за этим.

Но сильно негодую! Сделайте уже отдельную проходку для «избранных», промаркируйте их, в конце концов! Выделите уголок, и пусть они там «охотятся» и не будоражат общественность.

Потому что, когда какой-нибудь резвый и оборзевший начинает тебя «снимать», это реально бесит.

Обычно, я сразу сообщаю дяде, что телка не ведется на его харизму, и посылаю на три буквы.

В тяжелых же случаях…

Да че тут рассказывать, вы уже все видели. Связка коленка-пах-ноги-в-руки работает безотказно.

Надеюсь, Энтузиасту моих предварительных ласк хватило с лихвой и он унес свое хозяйство в прекрасное далеко. Ну или куда после такого едут мажористые позолóтки, размазывая сопли по лицу? Наверное, к мамке с папкой жаловаться…

В момент этих ленивых размышлений кто-то резко хватает меня за плечо и разворачивает к себе.

Какого банана?!

Вытаращив глаза смотрю… на того самого Энтузиаста с леденцом в штанах. На его ухмыляющейся роже идет ка-

кой-то мыслительный процесс.

— Попалась, зараза! — злорадно скалится. Белые зубы в свете неона выглядят крипово.

И только я открываю рот, чтобы послать дубину в пешее эротическое, как в ту же секунду горячие наглые губы запечатывают его.

Ах-ре-не-ть! Я даже пискнуть не успеваю. Тело в параличе, сознание — в шоке!

Ручищи Энтузиаста стискивают меня до боли, а хозяин этих конечностей таранит мой рот своим языком. Мерзкий слизень!

«Вера, сделай ему больно!» — ловлю мысль за хвост и резко смыкаю зубы. Во рту появляется металлический привкус.

Чувак тут же отлипает от меня. Его пальцы закрывают рот, и я не могу разобрать, что он говорит.

Да пофиг!

Хватаю свой стакан и выплескиваю сок прямо в противную рожу.

С тебя два косаря, говнюк!

Гребаный Энтузиаст жмурится, и я пользуюсь этой заминкой. Сжимаю кулак и от всей души впечатываю его в лицо мудака.

Тачдаун! Костяшки немеют, отдачей сводит плечо, но удар вышел — закачаешься! Там явно что-то хрустнуло!

Мудак хватается за нос, а я подныриваю под его руку и

сваливаю отсюда нахрен. В башке панически бьется: «Если догонит, мне кабздец!»

Добравшись до дома, еще полночи ворочаюсь на простынях, гоняя в башке мысли о дважды отмудоханном мажоре.

Блин, а если он и правда меня найдет? Прилупит в нашу коммуналку с папá и мамá за ручку и предъявит счет за кривую носопырку и помятые яйца? А меня нет сто тыщ миллионов! Ведь именно столько этот говнюк и запросит.

Засыпаю с трудом и подскакиваю как ошпаренная от вибрации будильника. Ба за стенкой задорно стучит клюкой по батарее. Переживает моя, что просплю и не возьму ей талон в поликлинику.

Ы-ы-ы. Шесть утра. Прибейте меня!

На работу еду разбитая и злая, пялясь в окно маршрутки на пасмурное небо.

В потоке машин замечаю красную спортивную тачку. Тюнинг, тонировка, литье — все дорохо-бохато. Зверюга, наплевав на поворотники, рыскает из ряда в ряд, ревом распугивая сонных водятлов и городских голубей. Наверняка везет чью-то богатую жопу в ее светлую жизнь.

Уныло провожаю тачку взглядом и снова вспоминаю вчерашний конфликт в клубе.

«Ну, ОМОН с утра хату не разнес, уже хорошо!» — оптимизм из меня так и прет. — «Да и вообще, Зайцева, нечего трястись как заяц»!

Точняк! Этот мудак же явно из другого мира. Ставлю ха-

баровск (*купюра номиналом в пять тысяч рублей — прим.автора*), что он уже и забыл обо мне.

Как оказалось — нет.

######

3. Тим. Похмелье, труп и батя

Ой, бля-я-я! Моя башка.

Череп раскалывается так, что, одно неловкое движение — и мозг вытечет через уши. В них уже стоит противный гул. Во рту сушняк, язык намертво прилип к нёбу и еле ворочается. В нос бьет тошнотворно кислый запах перегара.

Морщусь, и тут же едва не скулю от полноты ощущений.

Ебать, как все болит!

Похмельный ад комплектации «комфорт плюс».

Че там мир?

Я приоткрываю один глаз, и свет вонзается в мозг, разбивая мою черепушку к хуям. Звон, кажется, становится громче.

Не-не-не, я еще маленько полежу. Мир подождет.

Кряхтя, как дед, перекатом ухожу на другой бок и тут же натыкаюсь на чью-то конечность.

Холодная, блядь!

В ужасе распахиваю глаза.

Рядом лежит тело. Некстати в башку лезут все сводки новостей о трупаках, найденных после вечеринок.

Ебаный ты нахуй!

Приглядываюсь к телу бабы, лежащей рядом. В розовых трусах и с копной то ли русых, то ли каштановых — то ли еще какого-то там, блядь, цвета — волос, прикрывающих лицо.

Грудная клетка медленно поднимается и опускается.

Фу-у-ух.

Скручиваю паничку до минимума и снова морщусь от звона в ушах.

До мозга медленно доходит, что это гребанный звонок в дверь. Такой настойчивый, будто за ним толпа кредиторов с полыхающими жопами.

— Идите все нахуй! — хрипло рычу я, падая лицом в подушку.

Звонок не умолкает. Он с каждой секундой, сука, становится все громче.

Труп в розовых стрингах на сочной жопе что-то выло там мычит.

А-а-а, бля-я-я.

С трудом отдираю себя от постели и, пошатываясь, натягиваю брошенные на пол джинсы.

Прохожу мимо гостинной. Там — апокалипсис. Пустые бутылки, мусор, куча бокалов на всех поверхностях, чей-то розовый лифчик на торшере...

На часах нет и девяти утра.

Пиздец!

Только один человек способен поднять меня в такую рань.

Добираюсь до двери, щелкаю замком и распахиваю ее.

На пороге стоит отец.

В дорогом костюме и с такой свежей рожей, что аж завидно стало. Будто не он бухает уже месяц после того, как мать

заявила о разводе.

— Какими судьбами? — Подпираю косяк плечом.

Из-за спины отца, прижимая к себе планшет, испуганно таращит глазищи его помощница. Ей я дарю похабную улыбочку.

С каждым разом они у него все моложе и моложе. Может, мать не зря потребовала развод?

Трезвый и злой как черт батя молча отстраняет меня и заходит в квартиру. Медленно скользит взглядом по картине разрухи и останавливается на моем помятом лице.

— Это что? — В его презрении можно купаться.

— Упал. — Издевательски пожимаю плечами. — Полы скользкие.

— Где ты сегодня должен был быть? — тянет отец таким тоном, что я сразу выкупаю — мне пизда.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить.

— Тебя два часа назад ждала команда! — выплевывает он, раздувая от едва сдерживаемого гнева ноздри. — А твое интервью вот уже как полчаса назад началось. Без тебя!

Его голос гремит в холле, подкармливая мое похмелье.

— Сорян, занят был. — Смотрю на него, стараясь изобразить на роже раскаяние.

Из спальни в этот момент бочком выползает заспанная Каштанка и удостаивается особого отцовского внимания. Сверкая большими сиськами и задницей, она юркает обратно.

— Вижу, чем ты был занят! Ты хоть понимаешь, что людей подвел?!

Фыркаю. Ебать, сколько пафоса!

Будто сам не собирается наебать избирателей, изображая примерного семьянина, пока с матерью втихушку пилят мою наследственную массу.

— Тоже мне, трагедия. — Широко зеваю. — Никто ж не умер. Соберешь заново свою шушеру. Нарисуют мне нимб, крылья прихреначат, текст в зубы дадут, и я снова буду петь, какой ты белый и пушистый.

Я шлепаю в кухню, по пути загребая ногами бутылки и прочий треш. Пью прямо из-под крана.

— Мы с тобой договаривались, что ты завязываешь со своими загулами! — не унимается папаша, стоя над душой.

Сую башку под струю холодной воды.

О, да!

Становится даже сносно. Настолько, что я молча выслушиваю тираду папеньки о моих подзаебавших общественность тусовках.

От лица заебавшейся общественности выступает мой папаня. Если вы еще с первого раза не вкурили, ага.

— Это уже переходит все границы, — шипит он, брезгливо указывая пальцем на срач вокруг. — Мне для полного счастья только не хватает заголовков об аморальном поведении сына!

— А что, котики уже не в топе? — Вскидываю брови и

переглядываюсь его раскрасневшейся помощницей. — Котиков любят больше проворовавшихся чиновников.

— Ты как с отцом разговариваешь?! — взвивается он, багровея от гнева. — Или тебе показалось мало той нервотрепки, что устроили нам из-за дочки полковника ГРУ и наркоты.

Блять!

— Она-то здесь при чем? — Забывшись, тру пальцем переносицу, и та тут же отзывается острой болью.

Со Снежиной вышло реально стремно, но вина тогда была на одном конкретном человеке. Точнее, на одной суке.

— А при том, — с шипением выплевывает батя. — Что мне едва в жопу по плечи не залезли за ту выходку!

Да, батя у Карины карал всех анальным фистингом нещадно и с размахом.

Прислоняюсь к столешнице и складываю руки на груди.

— Ну нахуя я тебе в этой гонке нужен? Тебе только и надо, что забыть о проблемном сыне, и тогда он не будет позорить славную фамилию Сафоновых. Я как образец морали — мимо.

Лицо отца искажается. Кажется, сейчас из ушей повалит черный дым.

— Ты хоть понимаешь, что твои выходки — это теперь и мои проблемы? Что каждый твой прокол — это повод для моих конкурентов копать под меня?

— Не поздновато ли спохватился, бать? — цинично цежу

я, пожимая плечами. — Воспитывать надо было меня лет в шесть.

Я жду взрыва, но батя задумчиво пялится на меня, потирая подбородок.

— Воспитывать, говоришь, поздно? — Оборачивается к помощнице. — Юль, что у нас на повестке?

— Садики, школы, детские площадки, расселение старого фонда, обманутые дольщики… — начинает она перечислять, но отец морщится.

— Не то, не то!

— Вы хотели поддержать детей с особенностями, — после паузы тихо подсказывает мышка Юля.

— Точно! — Отец щелкает пальцами. — Дай ему адрес! А ты…

Он снова прожигает меня своим фирменным взглядом «я тут босс».

— С сегодняшнего дня, сынок, ты идешь работать, — произносит торжественно. — На благо общества. Будешь всеми силами обелять свою засратую репутацию.

— А если я не хочу? — с вызовом встречаю его взгляд, улыбаясь как сумасшедший.

Надо же, придумал. Работать. Ниче, что у меня практика в универе? Похуй, что я на нее забил болт и просто куплю этот отчет.

Сам факт. Я и работать. Бред же!

— Сегодня. Тебя будут ждать по указанному адресу, —

цедит слова отец. — И не дай бог, тебя там не окажется.

— Поставишь меня в угол? — хмыкаю.

— Оставлю тебя без бабла и тачки, — роняет веско. — И это только цветочки, сынок.

Поправив пиджак и пригладив волосы, батя отчаливает вместе со своей серой мышью.

— Как вы там говорите? — доносится его голос из коридора. — Вся кринжатина твоей жалкой жизни окажется лучше моих ягодок. Понял?

Громко хлопнув дверью, папаша ставит точку в нашем диалоге.

Задумчиво выстукиваю пальцами ритм, пялясь как дебил в окно.

Ну он же не всерьез? Или рил?

Зная моего дорогого папашу — угроза остаться без бабла очень даже реальна.

Ой, бля-я-я.

######

Герои истории

Познакомимся с героями моей новой истории поближе❤#

Вера Зайцева, 20 лет

Волонтерв центре для детей с особенностями слуха «Громкая тишина», живет в коммуналке с бабушкой.

Вера не слышит, но не делает из этого трагедии.

Если музыка, то та, где много сочных басов ##

Если напиток, то апельсиновый сок ##

Если чувства, то искренние ❤#

*Если мечта, то*только та, что дарит крылья за спиной

Как думаете, какая мечта у Веры?

Тимофей Сафонов, 21 год

Мажор, бабник и вечный тусовщик. Привык сорить деньгами и ни о чем не думать. Самая большая сложность Тима — выбрать блондинка или брюнетка.

Если музыка, то только самый горячий диджейский сет ##

Если напиток, то не жалейте градусов! ##

Если чувства, то оставьте их за порогом ##

Если мечта, то отдайте ее бедным, у меня есть все, о чем можно мечтать.✨

Как думаете, можно такого перевоспитать?

4. Тим. Наставник

От прикосновения ледяных ладоней к спине едва не вздрагиваю.

Бля, забыл уже о Каштанке в спальне.

— Это твой папа был? — сладким голоском тянет она, наглаживая мои плечи.

— Нет, он так прикалывается, — хмыкаю и разворачиваюсь к ней.

Кисуля хохочет. Большие сиськи призывно трясутся.

— Пошалим?

Она тянется ко мне с поцелуем, но я снимаю ее руки со своих плеч и с сожалением уворачиваюсь от спелых дынек.

— В другой раз, малыш, — говорю, прокручивая на репите слова отца.

— Эй, Сафонов, я вообще-то ради тебя парня бросила! — возмущается Каштанка, имя которой выветрилось из моей башки раньше алкоголя.

Шлепаю ее по аппетитной заднице в розовых трусах.

Член вяло трепыхается в джинсах, но, положа руку на сердце, меня сейчас больше возбуждают нарисованные батей перспективы, чем задорно потрахаться.

— Это ты, конечно, погорячилась. Собирайся, может, он тебя еще простит.

— Да ты гонишь?!

— И руки у тебя, кстати, ледяные. Как у трупа. Сделай с этим что-нибудь.

— Да ты… — От злости у нее на лице появляются красные пятна.

— Дверь можешь просто прикрыть, — бросаю ей и шлепаю в душ.

— Какая же ты мразь! — орет мне вслед.

— Ага. — Теряю к ней всякий интерес. — Дверь. Не забудь.

В душевой врубаю тропический дождь и делаю воду погорячее. Подставляю гудящую башку под ласковые струи.

Чистый кайф.

Еще бы сраный ультиматум бати его не обламывал.

Сказал, что ждут? Ну ничего, я никуда не тороплюсь.

***

Паркуюсь рядом с табличкой «не загораживать выезд» и вываливаюсь из прохладного салона в жаркое вечернее марево.

Адрес привел меня к трехэтажному зданию с вывеской «Громкая тишина».

Хмыкаю. Какой дебил придумал такое название?

Ладно, похуй. Я тут ненадолго.

Вхожу внутрь и, не церемонясь, заваливаюсь в кабинет к директорше.

— Здрасьте! — Распахиваю дверь без стука. — Сафонов.

Тетка отрывается от монитора и строго смотрит на меня

поверх очков.

— Сафонов? — брезгливо переспрашивает она.

— Во плоти, — киваю я, чувствуя, как ноет переносица.

Рожа после вчерашнего у меня, конечно, покоцанная.

— Вы опоздали, — роняет она с таким вздохом, будто я ее порядком подзаебал уже.

— У меня были дела. — Лениво пожимаю плечами и делаю пару шагов по кабинету.

Обычный такой. С дешевыми пластиковыми панелями, линолеумом и кучей аляповатых рисунков на стене.

Срань полная, короче.

Тетка в ответ на мою реплику смотрит так, будто ей — карге старой — доподлинно известно, что я после того, как привел себя в порядок и пожрал, проебланил полдня, играя в плойку.

— Ваш отец обо всем договорился, — говорит она без особого энтузиазма. — Вы поступаете к нам в качестве разнорабочего. Испытательный срок — месяц или пока я не решу, что с вас достаточно.

Ну, то есть, батя нихуя не пошутил?

Окей.

— Слушайте… — Быстро стреляю глазами на табличку на столе. — Валерия Дмитриевна, вы же все прекрасно понимаете?

Тетка согласно кивает.

— Зачем нам друг другу осложнять жизнь? — вкрадчиво

уточняю у нее. — Скажите сколько, я выпишу чек, и мы с вами разойдемся, довольные друг другом.

— Скажите, Тимофей, вы считаете меня настолько недалекой? — зачем-то спрашивает она, буравя во мне дырку своим змеиным взглядом.

— То есть нет?

— Ни в коем случае, — качает она головой.

Перевожу на нормальный язык.

Батя уже забашлял этой грымзе столько, что даже если я тут буду перед ее носом трясти волыной, она все равно не даст заднюю.

Вот же срань!

— Прекрасно, — говорю я, мечтая как минимум разъебать тут все. — А что я буду делать? Громко молчать, тихо петь? Или, может, беззвучно орать? Вы не стесняйтесь, говорите сразу. Я обучаем.

— У вас будет наставник, — игнорирует она мой сарказм, что-то печатая в телефоне.

Пару минут я лениво разглядываю потолок, чувствуя, как копится счет к старику с его ебучими идеями и идеологиями.

Ну ничего, Валерия Дмитриевна, вы сами напросились. Потом не войте.

Открывается дверь. Оборачиваюсь на звук, и у меня едет вниз челюсть.

Отвисает нахуй, падает на пол и бьется там о паркет.

Буквально!

В дверях стоит она. Та самая зараза, что вчера устроила из моих яиц омлет, а из моего носа — мясной фарш.

В ахуе сканирую пигалицу снизу вверх, отмечая наличие ровных ног, которые обтягивают драные джинсы. Сиськи я еще вчера заценил, но сегодня на ней черная футболка со скелетом.

На башке огромные белые наушники.

Разноцветные волосы собраны в небрежный пучок, а в огромных, колючих глазах читается точно такое же ледяное презрение, как и вчера.

Внутри закипает злость и еще какая-то хрень.

Девчонка смотрит на меня, и ее губы растягиваются в едва заметной, но самой ядовитой ухмылке на свете.

Зараза!

Директорша за моей спиной произносит:

— Вера, знакомься! Это Тимофей Сафонов. Твой новый подопечный.

Я недоверчиво бросаю взгляд на тетку.

Серьезно, блядь?

— Тимофей, это Вера Зайцева. Ваша наставница.

Охуеть. Она не шутит!

##⚡###

5. Вера. Бабуин

Спина после смены в рестике отваливается. Сегодня по случаю банкета посуды на мойке было в четыре раза больше.

Убиться просто!

Устало пялюсь в одну точку, пока автобус ползет в пробке. Сил нет ни на что, но я обещала МамЛере заехать и помочь с гуманитаркой.

Вообще-то, она Валерия Дмитриевна, но мы давно с детьми окрестили ее Мамой Лерой. У нее огромное доброе сердце и желание помочь каждому. За всю свою жизнь я не встречала еще одной такой же самоотверженной женщины. Ну разве что моя бабуля.

Не, МамЛера реально святая!

Благодаря ей центр процветает, а благотворительный фонд при нем обрастает меценатами с баблом в карманах.

И это все ради детей!

От остановки шлепаю в сторону входа. Тучи, к вечеру плотно затянувшие небо, наконец решили разродиться дождем.

Теплые капли падают мне на макушку, стекают за шиворот, и я ловлю себя на том, что забыла… Забыла, как шумит дождь.

Острое чувство тоски проворачивает ножичек в сердце. Запрокидываю голову, подставляя лицо утешительным по-

целуям.

Эй, я не жалуюсь! Это секундная слабость.

Есть вещи пострашнее того, что произошло со мной. Например, смерть. Она вообще необратима.

К тоске примешивается чувство горькой утраты.

Черт! Ладно. Скажу один раз и больше не хочу развивать эту тему.

Мои родители погибли в автокатастрофе, и я в один день осталась сиротой. Я провела в приюте незабываемые полтора года, пока моя бабушка билась с бюрократической машиной, пытаясь оформить опеку надо мной. Она победила, и теперь мы вместе. Все, конец.

А-а-а, про глухоту забыла! Нет, я родилась абсолютно нормальной. В приюте часто простывала, и один раз так, что оказалась в больнице. Бабушка говорила, что та директриса-крыса пыталась поначалу скрыть серьезность болезни. Упустили время, пошли осложнения, и больше всех пострадал слух.

Вряд ли вам интересны подробности моего лечения — у меня папка толщиной с полено! Но, говоря простым языком, моим несчастным слуховым нервам пиздец. И с каждым годом размер пиздеца все больше.

Эй-эй-эй! Я же просила не жалеть!

У меня есть еще шанс вернуть себе хотя бы часть звуков. Но это дорого. Нет, не так. Это ОЧЕНЬ дорого.

Я жду свою очередь по квоте уже второй год и не теряю

надежды.

А пока… пока я помогаю тем, кто еще не может помочь себе сам.

У ворот центра застываю, с удивлением разглядывая инородное тело.

Именно так и смотрится в нашем тупичке низкий спортивный зверь кричаще-красного цвета. И как любое инородное тело вызывает воспаление зависти и целый хоровод мыслей, самые приличные из которых: «Живут же сволочи!» и «Что за мудак тут бросил свое корыто?!»

МамЛера бы меня за такие слова укорила взглядом, но это она святая, а я вот ни разу.

Будь моя воля, угнала бы это роскошное чудовище, загнала за бешеные бабки и потратила их… Черт, ладно, это утопия.

А вот реальность этому водятлу очень не понравится. Пишу знакомым парням в чатик стопхама и скидываю фотку с координатами.

Довольная двигаю ко входу. Прохожу турникет и киваю охраннику. В это время занятия уже закончены, и коридоры Тишины пусты.

МамЛера беспокоится и шлет смс. Отбиваю, что уже на месте.

Захожу в ее кабинет, и улыбка прилипает к губам.

Напротив директорского стола стоит тот самый бабуин, которого я вчера от души угостила в клубе.

Его рожа, украшенная по такому торжественному случаю двумя фонарями, удивленно вытягивается.

Черт, отвлеклась! Ловлю в фокус лицо МамЛеры.

— Вера, знакомься, это Тимофей Сафонов, твой подопечный, — произносит она, четко артикулируя губами.

Сириусли?! Это шутка такая?

Я перевожу охреневший взгляд на бабуина. Тот пялится на МамЛеру с точно таким же ахуем в глазах.

Я?! Наставницей этой говняшке на палочке?!

Да у меня щас жопа заполыхает так, что зарево можно из космоса увидеть!

— Покажи ему пока центр, Вер, — МамЛера забивает гвозди в мою крышку гроба. — И расскажи об обязанностях волонтера.

Капец. Она не шутит!

######

6. Тим. Ведьма

— Столовая, кухня, служебные помещения, — колючка Вера тихо бубнит себе под нос, поочередно тыкая пальцем на двери. — Туалеты. В общем-то, все.

— А на этажах выше? — киваю на лестницу.

— Тебе там делать нечего.

Честно говоря, мне глубоко па-ху-ю, что у них тут и как.

Но пока Вера, которой больше подошло бы имя Стерва, водит меня по первому этажу, я без палева пялюсь на ее задницу.

Откормить бы малеха. А так ничего. Зачетные булки.

Будто почувствовав мой взгляд, Стерва-Вера разворачивается ко мне.

Складывает худые ручонки на груди, и я тут же очерчиваю приятные глазу округлости.

Этих девочек я бы тоже потискал… если бы не кислое, противозачаточное выражение на мордашке их хозяйки.

— Если ты еще хоть раз протянешь ко мне свои клешни, — неожиданно громко сообщает мне, буравя своими глазищами непонятного цвета. — Я оторву их тебе и засуну в жопу. Усёк?

Хмыкаю в ответ на этот жаргон:

— Ручки только не сломай.

У нас разница в габаритах почти вдвое. Мне кажется, я

ее талию обхвачу одной ладонью. А учитывая ее общий, худосочный вид — с легкостью сложу в компактный остро-режущий комок.

Стерва крутит перед лицом кулачком, на пухлых губах снова эта ядовитая улыбочка.

— Не переживай, на тебя силенок хватит.

— И не думал. — Жму плечами. — Да и ты не в моем вкусе.

— На-а-адо же! А какого хера ты ко мне полез?

— Сам до сих пор в ахуе. — Пожимаю плечами.

Стерва морщится и делает какой-то быстрый жест рукой.

— Что за вуду? — Двигаю пальцами в воздухе.

В ответ получаю такой надменный взгляд — мать бы обзавидовалась

— Зрение подводит? — язвит она, цокая языком. — Проклятие на недельный запор наслала.

— Смело. Чем еще удивишь?

Вчера под убойной дозой алкоголя она мне показалась весьма экзотичной. Но сегодня эта фурия в дешевых шмотках и с радиоактивным фоном на башке уже не кажется мне привлекательной.

Ни манер, ни фактуры, ни того лоска, к которому я привык. Совсем не ровня.

Стерва-Вера охотно отвечает:

— Говорят, что очистительные клизмы из скипидара очень помогают. Обязательно попробуй!

— Остро! — Хлопаю в ладоши. — Очень остро! Надеюсь, твой язычок такой умелый не только со словами?

— Надейся, — хмуро бросает мне, не сводя с меня злобного взгляда.

Впервые сталкиваюсь с такой неприкрытой агрессией.

Склоняюсь к заразе ниже. Невольно вдыхаю ее запах. Вопреки моим представлениям о ней Ведьма пахнет тонко и неуловимо. Никаких резких нот или удушливо-тяжелого люкса. Только чистая кожа, ваниль и дождь.

Она пахнет так невинно, что у меня неминуемо лезут в башку пошлости, а болт в штанах, как истинный джентльмен, встает при виде дамы.

Блять! Че за извраг?!

— Признайся, злюка, — произношу хриплым голосом. — Тебя в прошлом поимел какой-то недоумок, и теперь ты лелеешь свои обидки, изображая из себя бабу с яйцами, и ненавидишь весь мужской род авансом?

Незаметно втягиваю ее запах глубже. Разбираю на тона и молекулы, пытаясь понять — это духи, или ее собственный аромат?

Черт бы тебя побрал, Ведьма!

Ты дешевка и безвкусица, но я уже представил, как ты закидываешь свои длинные ножки мне на плечи, а я толкаюсь так глубоко, что ты…

— Только таких, как ты, — бросает она мне.

— Да-а-а? — Отстраняюсь и оглядываю ее с ног до головы

с разноцветной копной волос. — Выходит, я твой личный триггер!

— Не бери на себя слишком много, а то грыжа будет, — незамедлительно получаю подачу.

— Просто признайся, что запала на меня, — не удерживаюсь от подъеба.

— На тебя?! Я?! — Стерва распахивает широко свои раскосые глаза, а следом откидывает голову и заливисто смеется.

— Чтоб ты знал, — произносит, посмеиваясь. — Меня не возбуждают богатенькие избалованные ублюдки, которые привыкли, что им вылизывают очко, а сами — то еще дерьмо! И, кстати, я терпеть не могу блондинов!

С улыбкой ехидны стерва разворачивается и двигает вперед.

Рывком распахивает очередную дверь. Каморка метр на метр. От запаха хлора и каких-то ссаных тряпок режет глаза.

— Это чо за камера пыток?

— Личные апарты, твое Величество! Ведра, швабры, тряпки, дезинфекторы тут… — деловито перечисляет Ведьма. — Воду набираешь в туалете, там кран отдельный есть.

Я в ахуе смотрю на это великолепие, пока она перечисляет мои новые обязанности:

— Собственно все. Приступаешь с завтрашнего дня. Вопросы?

Куда, блядь, поорать?!

— Ты гонишь? — Смотрю на Стерву во все глаза.

Я в жизни ничего не мыл.

— Я похожа на клоуна? — Она копирует мою позу — складывает руки на груди, задирает темную бровь.

Нет, блядь, это из меня хотят сделать клоуна!

— Ну на хуй, я сваливаю, — произношу одними губами, но Ведьма каким-то образом слышит.

— Окей, я тогда передам Валерии Дмитриевне твой отказ. Надеюсь, папочка тебя не сильно будет ругать?

По лицу вижу — издевается.

Вздыхаю и мысленно уговариваю себя не пылить.

— Окей. — Поднимаю вверх ладони. Будем договариваться. — Давай так. Я тебе бабки, а ты за меня моешь полы. Все довольны, все счастливы. И никто никому не делает нервы.

Стерва-Вера сканирует меня взглядом.

— Давай, — кивает головой.

И только я расслабленно выдыхаю, как она добавляет:

— Заодно сообщим ему, какое ты ленивое ничтожество!

Вы щас охуеете, но слова этой нищенки задевают какую-то сраную струну во мне.

— Не пожалей потом, крыска! — выдаю ей в лицо. — А то как бы не оказаться на мусорке.

Двигаю на выход.

— Эй, мажор! — кричит она мне в спину. — Кстати, о мусоре! Я забыла сказать. Здесь парковка запрещена. Знак даже повесили. Но, говорят, дебилы его не видят!

Спустя пять минут я в шоке разглядываю свой мэрс. На капоте и крыше гора мусорных пакетов с каким-то жидким содержимым. Лобаш намертво заляпан наклейками «стопхам», а дверная ручка вымазана чем-то по запаху напоминающим дерьмо.

Я стою и пялюсь на все это, а в башке только одна мысль вертится: «Жди меня, Ведьма. Завтра я придушу тебя. Собственноручно».

##⚡###

7. Тим. Так даже интереснее

— Чувствую себя пенсом, — с ворчанием отодвигаю от себя доску для игры в скрэббл. — Вы еще б в лото предложили сыграть.

— Саш, у тебя же где-то шашки есть, — невинным голоском произносит Снежина, и так хитро при этом на меня смотрит, что в подъебе можно не сомневаться.

Закатываю глаза.

— Харош ныть. — Лекс, с самого начала отказавшийся играть в «эту еблю с буквами», со смешком пихает меня в плечо и сваливает курить на балкон.

К Бессоновым я нагрянул сразу после того, как, хорошенько выматерившись, отогнал изгвазданную в дерьме тачку на мойку.

Ну а че? Дома торчать в ебучей тишине? Правда и тут тусовкой не пахнет.

Не-е-е, теперь это образцово-показательное семейное гнездышко. И вроде визуально хата осталась прежней, но сама атмосфера…

Бля, будто купидоны кругом наблевали розовым сиропом, и я обеими ногами в эту жижу угодил.

Лекс явно был не в себе, когда позвал эту кудрявую занозу замуж. Но мне даже где-то завидно.

— Столица, как ты его терпишь?

— В твоем случае, Фей, молча, — Кара сама любезность. Только взглядом послала меня на хуй раз пять.

— Еще скажи, что я вам тут трахаться мешаю.

Кара морщит нос и манерно закатывает глаза:

— У тебя от пошлости ничего еще не слиплось?

— Неа. — Пальцем сдвигаю фишки, выкладывая нужное слово. — Секс, кстати, раскрывает чакры. Попробуй.

Снежина поджимает губы, глядя на «жопу» по вертикали, и мстительно выдает:

— То-то я думаю, откуда сквозняк! А это у тебя из чакр поддувает…

Язва.

Посмеиваясь, вываливаюсь на балкон к Лексу.

— Нафига тебе эта мегера?

Затянувшись, друг философски изрекает:

— Вырастешь, поймешь.

— Цитатки из клуба каблуков подъехали? — ржу.

В шутку обмениваемся с бро подзатыльниками и тычками.

— Как родаки?

Кривлюсь, будто лимон сожрал.

— Да как… Как скорпионы в банке. Жалят друг друга, припоминая весь трешак в прошлом. Мать улетела в Милан. Батя бухает. — Устало тру лицо ладонью. — Заебали в дым.

— Сочувствую.

— Ага.

Хмыкаю, переводя взгляд на ночной город.

— Знаешь, что самое стремное? Вот эти фальшивые улыбки для очередного всратого фотосета. Типа кандидат в мэры Сафонов топит за семейные ценности, — делаю пальцами кавычки. — Рил, рожи как у манекенов. Кто-то вообще на это ведется?

Лекс дергает плечом:

— Ну, рейтинги у него неплохие.

— Ага, там целый штаб днем и ночью вылизывает его репутацию до блеска.

Иррациональная обида на отца снова точит изнутри, и я, блять, опять ощущаю себя сопливым пацаном, который подслушивает ссору самых дорогих людей на свете.

Мерзкое чувство никак не рассасывается.

— Прикинь, какую он тут хохму придумал…

Я рассказываю Лексу про кринж с батиным ультиматумом, моей поездкой в центр и встречей с Ведьмой.

— Ты бы видел эту стерву! Отброска, а гонору хватит, чтобы мою бабку-графиню проняло.

Да-да, как бы это ни было ржачно, а бабулька у меня рил имеет дворянский титул. Каждое лето я проводил в ее поместье, и эта старая карга пила мою кровь и вдалбливала в башку ебанный этикет.

Сами понимаете, с каким удовольствием я на него теперь кладу огромный болт. Особенно, когда Анастасия Романовна прибывает с визитом на очередной семейный ужин, кото-

рый по традиции заканчивается скандалом.

Bellissimo!

— Говоришь, ее зовут Вера Зайцева? — Лекс задумчиво прокручивает в руке зажигалку.

— Угу.

При воспоминании о ее вызывающей мордашке в кровь будто впрыскивается закись озота.

— И волосы у нее… — Лекс делает неопределенный жест рукой.

— Будто радуга взбесилась и надристала на нее, — подсказываю.

— Забавное совпадение. Они работают вместе с Карой.

— Гонишь? — Мои брови взлетают вверх.

— Неа. — Друг качает головой. — Она группу сопровождает в Кристалл на трени. А, кстати, знаешь, что она…

— Что она бешеная сучка и ей бы не помешала прививка от бешенства? — со смешком перебиваю. — Еще в клубе выкупил. Вот это… — обвожу пальцем бланши, — ее ручек дело.

Лекс подвисает на секунду, а потом начинает дико ржать.

— Говорю же, бешеная. И еще эта ее дурацкая привычка пялиться, не моргая. Хотя, может, эта маньячка прется от Ганнибала Лектора…

— Не думаю. Но меня забавляет, что тебя она так зацепила.

— Да, камон! — Закатываю глаза. — Просто бесят такие

заносчивые телки.

— Ну-ну, — все еще посмеивается надо мной Лекс.

Идея приходит мгновенно.

— Терминаторша. Поставить бы ее на место. Твоя случаем не сливала ее грязные секретики?

Но Лекс в ответ смотрит странным взглядом, и с улыбкой гребанной Джоконды выдает:

— Знаю один… но не скажу.

— Эй! — толкаю говнюка в плечо.

— Так даже интереснее…

И только я собираюсь начистить его самодовольную рожу, как на балкон влетает Снежина.

— Время видел? — размахивает перед носом Лекса телефоном.

— Фа-а-ак!

Перевожу взгляд с одного на другую. Не выкупаю.

— У вас какие-то ролевые игры в одиннадцать?

Лекс морщится:

— Если бы…

Снежина нетерпеливо отбивает ритм пяткой.

— Папа назначил мне комендантский час. В одиннадцать я должна быть дома, а вы тут уже пятнадцать минут лясы точите!

В ахуе смотрю на нее:

— То есть я еще и виноват?

— Ладно, погнали, — бросает Лекс. — А то мне яйца от-

стрелят.

На парковке прощаемся.

— Удачи с Ведьмой. — Лекс хлопает меня по плечу. — Она тебе точно понадобится.

— О чем это вы? — непонимающе смотрит на него Снежина.

— Да так. Сафа решил поиграть в экзорциста.

Да уж, завтра я вытрясу из этой Ведьмы всех ее бесов!

########

8. Тим. Вендетта

Утром, глядя в лицо неприлично бодрой Ведьмы, я уже не так в этом уверен.

Мое собственное состояние застряло между отметками «хуево» и «пиздец, как хуево».

— Фу, от тебя смердит. — Ведьма показательно морщится и машет перед лицом ладонью. — Ты, что, упал в бочку с бормотухой?

Какие мы нежные.

— К слову, это был отличный шотландский виски. — Хрипло выдыхаю в ее сторону. — Но откуда бы тебе такое знать, правда, м?

— Будь добр, не дыши в мою сторону… — шипит, распахивая дверь моего «кабинета».

Ведьма снова делает это. Смотрит на меня, не отводя взгляда. И я впервые замечаю, какого цвета ее глаза. Зеленые как у дикой кошки.

— …а лучше вообще не дыши, — мстительно заканчивает и вручает мне в руки швабру. — Твоя подружка на сегодня. Будь с ней нежен… хотя, о чем я?

И эта гадкая ведьма, закатив свои бесстыжие зенки, сваливает и оставляет меня наедине с обязанностями поломойки.

Блять!

Матерясь себе под нос, пытаюсь совладать с тряпкой. Вода заливает мои брендовые кроссы, в носках уже противно хлюпает.

На полу остаются лужи, и мне с психу хочется на хуй устроить пенальти с ведром в окно. Скриплю зубами, костеря на все лады папашу с его охуенными идеями.

Этот ебанный коридор рил такой длинный!

Позади хлопает дверь, мелкая девчонка с перемазанными краской руками торопливо топает в сторону туалета.

— Не беги, тут сыро, — буркаю ей, но меня явно игнорят.

Конечно, я же невидимка.

Через секунду девчонка с писком летит вперед и смачно шлепает ладошками по полу.

— Эй! Я же говорил…

Рот девчонки кривится, и коридор заполняет вой.

Ой, бля-я-я!

Бросив швабру, шагаю к ней, но меня в плечо уже толкает материализовавшаяся из воздуха Ведьма.

— Дай посмотрю! — Она аккуратно помогает встать девчонке. Черт, у той, кажется, рот в крови. Лицом, что ли, шмякнулась?

Ерошу волосы на затылке, чувствуя себя стремно.

— Ведьма, я ей говорил… — взрывается у меня.

— Ты дебил?! — рявкает она, повернув ко мне лицо. — Она не слышит!

У меня вытягивается лицо.

— В смысле?..

Но Зайцева больше не обращает на меня внимания, она что-то быстро-быстро делает пальцами, при этом беззвучно двигая губами. Мелкая, захлебываясь рыданиями, тоже делает какие-то пассы.

Поддерживая девчонку под руку, Ведьма уводит ее дальше по коридору.

Стираю разводы крови и краски с кафеля.

Пиздец какой-то.

— Ты хоть когда-нибудь мозгом пользуешься? — налетает на меня разъяренная Ведьма.

— Да че не так-то? — пылю. — Я не виноват, что она глухая! Смотреть по сторонам нужно.

— Ах, смотреть! — Голос стервы звучит слишком сиропно.

Еще немного и она вцепится мне в горло бульдожьей хваткой.

— Запомни, Сафонов, здесь твое мнение ебет только швабру. — Брезгливо тычет в меня пальцем. — Я тебе лично дважды повторила про таблички, но раз ты умом скорбный, то стоит это тебе написать на лбу!..

— У тебя недотрах, что ли? — рявкаю, взбешенный этой выволочкой. — Злая как змеища.

— Только такой имбецил, как ты, будет мерить всех по себе, — выплевывает с отвращением.

Опираюсь на швабру и хмыкаю:

— Ну точно. Не вставляет никто по самые яйца, вот и бесишься…

— Знаешь, что, Тимофей… — Ведьма неожиданно обращается ко мне по имени.

Я даже подвисаю.

— Иди ты на хуй! — припечатывает.

В глазах адово пламя. Ноздри хищно раздуваются. Губы поджаты.

— И если ты еще хоть раз допустишь подобное, я тебе лично яйца оторву и засуну тебе их так глубоко, что неделю искать будешь!

Шагаю к ней вплотную, нависаю, давя массой.

— Рискни, Ведьма, и посмотрим, как глубоко в тебе будут мои яйца…

Задрав подбородок, она упрямо пялится в ответ.

И, черт, я не знаю, как это работает, но я первым отвожу взгляд… и упускаю момент, когда мне прилетает по лицу.

Хлестнув меня волосами, эта стерва сваливает в закат. Я пялюсь на ее худощавую фигуру, до хруста сжимая руку в кулак.

Радуйся, Ведьма, пока можешь. Твоя вендетта близко.Хлестнув меня волосами, эта стерва сваливает в закат. Я пялюсь на ее худощавую фигуру, до хруста сжимая руку в кулак.

Радуйся, Ведьма, пока можешь. Твоя вендетта близко.

##⚡###

9. Тим. Секрет ведьмы

— Что будете заказывать? — услужливая официантка едва ли не выпрыгивает из трусов, заглядывая мне в глаза.

Ограничиваюсь шашлыком и раздраженно захлопываю меню. Жрать хочется, пиздец как, но обстановка этого убогого места вообще не располагает долго рассиживаться. Чисто — закинул хавчик и ливнул, моясь, чтобы живот не скрутило по дороге.

Мои спутники закидывают девчонку своими хотелками. Молча наблюдаю за этим буйством жадности, потягивая минералку из высокого стакана.

— У тебя новый парфюм? — с придыханием произносит рыжая то ли Катя, то ли Даша — я не запомнил, да и нахуй надо! — и придвигается ближе.

Морщусь.

— Типа того.

— Необычный. — Ладонь рыжей ползет по моему бедру в сторону ширинки. — Как и весь ты…

Ага, блять. Мой новый парфюм — въевшаяся под кожу хлорка и запах ссаных тряпок. В ду́ше, думал, кожу с себя сдеру.

Поймав нахальные пальчики, настырно натирающие мой агрегат, скидываю ручонку Кати-Даши и отворачиваюсь к окну.

К моменту, когда я приканчиваю свой шашлык, стол ломится от разнообразия блюд.

Парни накачиваются алкоголем, девки возбужденно пищат и не отстают от них. Общий градус за столом неуклонно растет.

Мизансцена готова. Пора переходить к основному действию.

Хлопаю громко в ладоши.

— Время развлечься!

Народ радостно вопит. Кто-то задевает край стола, и посуда с грохотом летит вниз.

Осколки разлетаются по всему полу. То, что нужно.

— И долго ты собираешься на это смотреть? — Щелкаю пальцами официантке. — Зови уборщицу, пусть тут все вылижет до блеска.

От предвкушения по венам растекается азарт. Ведь я точно знаю, кто сейчас зайдет в випку.

Ведьма появляется спустя пару минут в компании швабры и ведра.

С приклеенной улыбкой она бормочет извинения, но при виде меня тут же затыкается.

Ух, какой взгляд! Если бы таким можно было убивать, Зайцева бы уже давно мотала срок.

Ухмыляюсь, разваливаясь на диване поудобнее и кивком отдаю команду: «Фас»!

— Фу, что за убожество на башке?

— Ее изнасиловал колорист?

— Чуете, завоняло дерьмом!

Телки катком проходятся по внешке Ведьмы.

— Надеюсь, это не заразно, — брезгливо произносит Катя-Даша, и все взрываются хохотом.

На секунду взгляд Ведьмы впивается в меня, а потом гаснет. Она молча приступает к уборке, игнорируя гогот.

Парни наперебой сыпят сальными шуточками. Девицы смотрят на нее свысока, с таким презрением, будто она не человек, а грязь, прилипшая к подошве.

На секунду чувствую раздражение.

Эй, Ведьма, чего же ты не огрызаешься? Где твой острый язычок? Неужто затолкала между своих тощих булок?

Катя-Даша пьяно взмахивает рукой:

— Эй, ты! — визгливо обращается к притихшей Ведьме. — Иди сюда и убери тут как следует.

Зайцева опускается на корточки и начинает собирать крупные осколки.

— Господи! — морщится рыжая и манерно зажимает двумя пальцами нос. — Я будто в хлеву оказалась! Давай уже быстрее, а то меня щас стошнит.

Снова ржач.

— Ты оглохла, что ли? — визгливо истерит Катя-Даша.

Зайцева ушла в полный игнор.

И тогда рыжая, с глумливой улыбкой, наступает каблуком на пальцы Ведьмы.

— Ой! — притворно ахает Катя-Даша, не сдерживая злорадную усмешку. — Кажется, я наступила на какое-то дерьмо.

За столом все затихают.

Я вижу, как плечи Зайцевой напрягаются. Медленно, очень медленно она поднимает голову и смотрит на рыжую. И ее взгляд не обещает ничего хорошего.

— Че ты пялишься, лохудра! — кривится Катя-Даша и кивком головы указывает вниз: — Быстро вылизала мои туфли языком. Ну!..

— Одну секунду, — тихо произносит Ведьма и плавно поднимается на ноги.

Берет со стола полупустой кувшин с лимонадом, где плавают дольки апельсина и веточки мяты.

— Я долго буду... — начинает рыжая.

Но Ведьма не дает ей договорить. Она выливает все содержимое кувшина на башку Кати-Даши.

На мгновение воцаряется абсолютная тишина.

Наблюдаю, как жидкость ручьями стекает по рыжим волосам, по лицу, пачкая светлую ткань топа. Апельсиновая долька смачно шлепается с макушки рыжей ей на колени.

А потом в мои уши ваинчивается пронзительный визг.

— А-а-а-а! Ты!.. — Катя-Даша смахивает с лица ветку розмарина, ее пальцы дрожат от ярости. — Тварь! Ты че натворила?!

— Остудила котелок, который у тебя вместо башки, —

резко парирует Ведьма.

На лице упрямство и ни капли раскаяния.

Поднимается гомон, все кричат. Пацаны закатываются от дикого ржача. Телеки наперебой пытаются реанимировать ЧСВ рыжей Кати-Даши.

В дверях появляется перепуганный администратор. Он мечется рядом со столом, мямлит что-то о компенсации и ужине за счет заведения, бросая полные негодования взгляды на Ведьму.

— Тебе не жить! — Тычет в нее пальцем рыжая. — Ты хоть знаешь, кто мой отец, дрянь?!

Вера смотрит на нее так, будто каждый день участвует в таких стычках.

— Дай угадаю, — ее голос тих, но режет стеклом. — Такая же мразь, как и ты?

— Сука! Ты уволена! У-во-ле-на! — орет Катя-Даша, брызгая слюной. — Можешь выметаться отсюда!

Администратор едва не кланяется ей в пояс, обещая во всем разобраться.

— Что тут разбираться? — настаивает рыжая. — Эта дрянь меня оскорбила! Или вы считаете это норм?!

Ведьма упрямо поджимает губы.

Я прям вижу, как мечется администратор между двумя стульями с пиками и болтами. И принимает решение:

— Вера, немедленно извинись перед нашей гостьей…

— Нет, — рубит Ведьма.

Но администратор продолжает гнуть линию клиентского жополизинга:

— Извинись. Живо! Или я прибавлю тебе еще один штраф.

Я жду, затаив дыхание.

Давай, Ведьма, покажи, как ты умеешь прогибаться.

Будто почувствовав мой ментальный месседж, она врезается взглядом в меня.

— Извините, — выдыхает хрипло, и я готов поклясться, что ее голос дрожит.

Вот только не от страха… а от ярости, что пылает в ее зеленых глазах.

— Извините, что я согласилась выйти не в свою смену и подменить заболевшую уборщицу.

Она смотрит только на меня. Будто без труда вычислила, кто виноват в этой тупой травле.

Смотрит упрямо. Отчаянно и дерзко. Со странным блеском в глазах.

И я в эту секунду выкупаю, что истинные ведьмы не прогибаются. Вот почему их сжигали на кострах.

А прямо сейчас Вера сама подносит зажженный факел к хворосту.

— Извините, что я всегда шла вам навстречу.

Она наконец отпускает меня из ловушки своих мятежных глаз. Но только для того, чтобы снять фартук. Скомкав, пихает его в руки администратору.

— И извините, что я не даю себя в обиду... — Стрельнув глазами на Катю-Дашу, она заканчивает: — …избалованным сукам, свято верующим, что у них голубая кровь.

Рыжая ахает от возмущения, краснея как помидор.

— Какая жалость, что у них внутри дерьмо точно такого же цвета, как и у других.

Ведьма дарит мне напоследок взгляд, полный ненависти, и, хрустя стеклом под ногами, стремительно уходит.

А у меня что-то болезненно дергается внутри. Будто чертова девка своими словами задела какой-то нерв.

— Тим, и ты так просто это оставишь?! — визгливо орет рыжая, хватая меня за руку.

— Конечно, нет, Даш…

— Я Диана! — с претензией в голосе.

Да и похуй.

Швырнув деньги на стол, я устремляюсь за Ведьмой.

Сам не знаю зачем.

Внутри меня непонятная мешанина из эмоций. Сердце колотится как сумасшедшее, пока я преодолеваю ступеньки и выскакиваю на улицу.

Я просто хочу ее догнать. И что, Тим, ты хочешь увидеть? Страх, ненависть или поражение?

Не знаю. Не знаю я! Но что-то толкает меня вперед.

За секунду до того, как Ведьма сбежала, я сделал шокирующее открытие. И теперь оно жжет где-то под ребрами, нестерпимо, заставляя двигаться быстрее.

Выставив плечо, расталкиваю лениво ползущих прохожих. Шарю глазами по толпе и облегченно выдыхаю, завидев впереди знакомые разноцветные вихры и белые наушники.

Ускоряю шаг, а потом и вовсе перехожу на бег.

— Вера! — зову ее, кажется, впервые по имени, но шум стройки и гул машин перекрывают абсолютно все звуки.

Бегу за этой припадочной, до конца не веря, что делаю это.

Но… за секунду до того, как Ведьма капитулировала, клянуст, я увидел блеснувшую в ее глазах влагу… и разгадал главный секрет всех ведьм.

Они тоже умеют плакать.

#######

10. Тим. Глухая

Черт!

Ведьма будто нарочно ускоряет шаг.

Впереди большой перекресток. К счастью — с последними секундами на табло.

Но эта сумасшедшая уверенно шлепает на зебру.

— Стой!

— Не успеешь уже!

Какие-то тетки явно обращаются к Ведьме, но она их тупо игнорит.

Три… два…

Краем глаза ловлю движение.

Черный «немец» несется, как на пожар. Этот персонаж явно руководствуется правилом всех дебилов — красный наш, зеленый общий, — и только поддает газу.

Сука, он же сейчас собьет ее!

Ведьма будто почувствовав опасность, поворачивает голову и резко останавливается.

Я рвусь к ней. Звуки все пропадают, воздух уплотняется. В моем фокусе только ее лицо.

Время растягивается как резина, а потом резко рвется на фрагменты.

Моя рука тянется к ее. Рывок на себя. Падаем как кегли. Асфальт больно ударяет в плечо.

Противный визг покрышек пробивает вату в ушах. Следом обрушиваются все звуки.

Стройка, крики, сигналы машин. Все сливается в один гул.

Ведьма лежит подо мной. Ее лицо белее снега. Глаза с мокрыми стрелами ресниц испуганные, зрачки расширены на максимум.

— Слезь с меня, — сипит и толкает меня в отбитое плечо.

Не сразу соображаю, чего она от меня хочет. Тело адреналинит так, что проводимость сигналов запаздывает.

Поднимаюсь, Ведьма встает следом, она явно дезориентирована. Снова нацепляет слетевшие наушники.

Толпа вокруг возбужденно гудит, обступив нас полукругом.

Кто-то советует вызвать скорую и ментов, кто-то одобрительно хлопает меня по плечу — ебать как больно! — а кто-то танком проходится по тупой молодежи, которая не смотрит по сторонам. Галдеж стоит такой, что у меня уже уши болят.

Под шумок буксирую притихшую Ведьму подальше от агрессивных теток.

Внутри меня тоже та еще революция.

Моей выдержки хватает ненадолго.

Завернув за угол, вжимаю Ведьму в стену.

— Нахрена ты поперлась на красный, а, Вер?! Тебе же все кричали… — ору на нее. Голос не слушается и сбивается на

хрип.

— А если бы я не успел? Размазало бы по асфальту!..

Меня натурально трясет, когда я это произношу. Афтершоки подъехали.

Ведьма молча смотрит мне прямо в душу. Бесит.

Что ж ты со мной делаешь, а?

— Меломанка чертова! Совсем оглохла от своего музла! — рычу и с силой дергаю с ее головы белый пластик: — Что ты там хоть слушаешь? Оно стоило того, чтобы…

Прижимаю мягкий амбушюр к уху, а в динамике тишина.

Что за?..

Непонимающе смотрю на Ведьму.

Мозг наконец выходит из коматоза и подкидывает момент, когда мы валялись на асфальте. Тогда ведь в наушниках тоже было тихо.

А следом на меня валятся все непонятки, на которые я тупо не обращал внимания.

Светофор, рестик… центр для глухих детей, язык жестов… игра в королеву игнора…

Дурацкие наушники. Они как лишний болтик в уже собранном часовом механизме. Мешают и отвлекают от главного.

От того, что было на поверхности все это время.

— Зайцева, ты че реально не слышала? — Чувствую, как что-то проваливается в животе.

Все сложилось.

— Ты глухая… — выдыхаю еле слышно, и сразу замечаю, как растерянность в ее взгляде сменяется жгучей ненавистью.

— Надо же, — она выплевывает слова, как отравленные пули, и вырывается из моих объятий. — Догадался, наконец. Да, глухая, и че? Теперь ты доволен, урод?

— Доволен?

С силой провожу ладонями по затылку, сцепляю кисти в замок.

А-а-а, дичь лютая.

Да я из-за тебя, полоумная, из ахуенеза не выкисаю!

В крови бурлит бешенство. Буквально, блядь. Эта ядовитая змеища обвела меня вокруг пальца, как вшивого лоха.

Глухая. И ведь притворялась нормальной телкой, что и не заподозришь.

— Пиздец какой-то! — рвано выдыхаю я.

Ведьма собирается ливнуть, и я делаю рывок, перегораживая ей дорогу:

— Куда это ты собралась, а?!

Она с размаху толкает меня в больное плечо, заставляя отступить на шаг.

— Отъебись! — рычит, сверкая в полутьме глазами.

— Да стой ты, бешеная! — кричу, хватая ее за руку.

Ведьма смотрит в ответ с такой неприкрытой ненавистью, будто мечтает мою тушку расчленить и расфасовать по пакетам.

— Меня щас стошнит от твоей рожи, глист белобрысый. Че ты доебался до меня, как пьяный до радио? — Морщится, дергая конечностью: — Свали уже наконец куда подальше!

— Я тоже, блядь, не пылаю к тебе великой любовью! — рявкаю в ответ, закипая. — Но я только что спас твою тощую жопу. И где же твое ебать-какое большое-спасибо, Ведьма?

— Пошелнахуста! — выплевывает. Еще немного, и у нее яд закапает с клыков.

Ой, блядь.

Язык чешется послать ее по тому же маршруту, развернуться и уйти. Но взгляд цепляется за темное пятно слева, расползающееся по ее футболке.

— Стой, Вер… Да стой ты! — пытаюсь говорить спокойнее, хотя пальцы так и чешутся вцепиться в ее цыплячью шею и сжать до хруста. — У тебя кровь!

На серой ткани хорошо виден темный, мокрый подтек.

Ведьма недоверчиво хмурится, но под моим пристальным взглядом скашивает глаза вниз. Быстро проводит рукой по груди и выше, по шее, к затылку.

Еще мгновение она смотрит на перепачканные красным пальцы… и, вдруг резко покачнувшись, закатывает свои бешеные зенки и оседает на асфальт.

Подхватываю ее, не давая приложиться башкой. Хотя этой злобной выдре было бы полезно.

— Эй!

Легонько трясу ее за плечо. Ноль реакции.

Склоняюсь ниже, трогаю жилку пульса. Стучит.

И зачем-то утыкаюсь носом в ее шею. Вдыхаю запах кожи, наполняя легкие дождем и ванилью.

Вопреки моему вздрюченному состоянию что-то темное внутри отзывается в ответ на мое безобидное действие.

Сердце разгоняется и толкает кровь. Она бешеным потоком несется по венам, оседая в паху болезненным импульсом.

Блядь, да я гребанный фрик!

А как еще объяснить этот феномен, когда мозг подбрасывает расчлененку с Ведьмой, а колбаса в штанах хуярит порно контент с ней же в главной роли?

Озадаченный такой подставой, цежу сквозь зубы:

— Зайцева, просыпайся давай.

Перехватываю ее тушку поудобнее. Сжимаю пальцами талию. Там вообще органы есть?

— Сколько ты весишь, чудовище? С виду тощий недокормыш, а на деле баржа. Таскай тебя теперь…

В этот момент Ведьма открывает глаза.

— Не надорвись, — выдыхает с усилием. — И убери с меня свои грабли.

Хмыкаю, не спеша выпускать ее из вынужденных объятий. Иначе стерва увидит, что Сафонов младший от счастья выпирает из штанов.

— Ты чего, крови боишься? Я думал ты ее литрами хлещешь.

— Не думай, тебе вредно.

Ведьма отталкивает меня и пытается удержать равновесие. Шипя, хватается за затылок, но ручонку предусмотрительно больше не разглядывает.

— Не нравится мне все это. — Поджав губы, наблюдаю за ее мотылянием. — Поехали, Ведьма, отвезу тебя в больничку…

Сам не верю, что я это говорю.

— Ерунда. — Вяло отмахивается. — Само заживет.

— Да, конечно, — фыркаю я. — Истечешь тут кровью, а завтра меня будут нежно сношать без смазки за причинение смерти по неосторожности. Погнали короче!

— Не надо мне твоей помощи!

Да ебаный ты в рот, какие мы самостоятельные.

Закатив глаза, хватаю за локоток эту гюрзу и волоку к тачке.

— Спасибо потом скажешь.

— А ебало не треснет? — плюется ядом.

— Ни вкуса. Ни манер. Полный распиздос, — тихо ворчу себе под нос, буксируя Ведьму.

Ну, конечно же, это глухое исчадие ада не может конвоироваться молча:

— Я тебе в эскорт не навязывалась, гандон перештопанный.

— Мгм.

— Будешь свою рыжую ляжпососиту манерам учить, —

она продолжает изрыгать потоки сознания, но хоть ноги передвигает в нужном направлении.

— Как ты сказала? Ляжпососита? — Качаю башкой. — Ор-р-ригинально. Кстати, она не моя.

— Кстати, мне похуй. Отвали уже от меня, опарыш!

Эта радужная гангрена предпринимает очередную попытку вырваться, но к счастью — мы уже на месте.

— Не могу, Ведьма, — криво ухмыляюсь. — Иначе кто будет причинять тебе добро и тяжко хиллить (*лечить — прим.автора)*

######

11. Тим. Пытки

Трамбую Ведьму на пассажирское сиденье и быстро огибаю капот. Врубаю двигатель, и салон наполняется низким рыком.

Зайцева, нахохлившись как боевой воробей, исподлобья следит за дорогой, а я задаюсь вопросом.

Нахуя я это делаю? Что за подгон с аль-факинг-труизмом? Но отступать уже поздно.

— Как так вышло, что ты меня слышишь? — нарушаю я тягостное молчание, выруливая на проспект. — Ведь ты же типа…

Я замолкаю, подбирая слова.

Ведьма отрывается от окна, и красная подсветка приборной панели придает ее лицу демоническое выражение.

— Он относил себя к умным людям, но они приносили его обратно, — зло цедит она. — Без подсказок твой усохший мозг никак не справляется с такой задачей? Или он у тебя размером с мышиное говно и искусственный интеллект туда просто не поместился?

— Да ты пиздец юмористка! — фыркаю и делаю самое очевидное предположение. — Читаешь по губам?

— Бинго, — Ведьма растягивает свои пухлые губешки в язвительной ухмылке. — Поздравляю, Ватсон, ты справился с первой попытки. Еще какие-то вопросы будут?

— Наушники тогда зачем? — Киваю на пластиковые уши, висящие на ее шее.

— Чтобы скорбные умом меньше доебывались.

Ясно-понятно.

Пауза затягивается.

Барабаню по рулю и с трудом выдавливаю из себя слова:

— Это, Зайцева, за рестик прости, я…

— Стой! — Она резко подается вперед.

На автомате выжимаю педаль, машина дергается и с визгом тормозит. Сзади басовито сигналят, явно не разделяя радость поцеловать жопу моему мэрсу.

— Чего ты всполошилась? — Кручу башкой.

Никого нет.

Но Ведьма продолжает пристально пялиться на… вверх?

Чо за?..

— Погоди, я жду, когда на нас упадет метеорит, — сообщает она буднично, переводя на меня невинный взгляд. — Такое событие — золотозадый бабуин решил принести мне свои никчемные извинения.

Вот же с-с-стерва!

— Поехавшая! — Матерясь под нос, срываю тачку с места.

Ну вот как, блядь, ее не прибить?!

Пыхчу, стискивая челюсти, и машинально тянусь к магнитоле. Салон наполняет альтернативный рок, а Ведьма изумленно поворачивает ко мне свою башку.

Поднимаю брови в молчаливом протесте: «Какие-то проблемы?»

А через секунду до меня доходит, и я, психуя, скручиваю звук. Теперь тишину нарушает только рев мотора.

Блять.

С глухой Ведьмой под боком становится дико некомфортно. Будто все старые схемы закоротило, а новые проводят сигнал через жопу.

— Не бойся, мажорище, — слышится ее колкий голос. — Это не заразно.

Поворачиваю к ней голову и напарываюсь на взгляд, полный непримиримого огня.

— Ты еще и мысли читаешь?

— У тебя настолько убогий интеллект, что они просто отпечатываются на лбу, как переводные картинки, — доверительно сообщает мне и тут со вздохом прикрывает лицо ладонью.

Че за пантомима?

Херово, что ли?

Касаюсь ее руки, вынуждая посмотреть на меня:

— Голова болит?

— Глаза. — Ведьма полирует меня отнюдь не добрым взглядом. — Скоро ослепну от твоей невъебенной красоты. Можно я просто посижу, представляя, что тебя рядом нет?

— На здоровье, — бросаю и отворачиваюсь первым.

Один хер, боковым зрением ловлю, как Ведьма напялива-

ет свои бесполезные наушники и делает вид, что спит.

Ага, типа точку поставила в разговоре.

Королевишна.

Хотя, надо признать, что ее мордашка без обезьяньих ужимок выглядит не так уж и безобразно.

Че, герой, уже поплыл?

Раздраженно качаю башкой.

Не мой уровень.

А в клубе на нее слюни пускал так, что едва не захлебнулся.

Мой внутренний голос продолжает подкидывать кринжа. Член согласно наливается тяжестью. Предатели.

Стискиваю оплетку руля, стреляя глазами в генератор моих беспонтовых мыслей.

Будто почувствовав взгляд, Ведьма на мгновение опаляет меня из-под ресниц хищной зеленью, а потом снова прикрывает веки.

Хмыкаю.

Зло бдит.

На светофоре притормаживаю и, пока табло отсчитывает секунды, снова кошусь на это исчадие ада.

Если честно выглядит она паршиво. И я сейчас не про ее радужную блевотину на голове и прикид из секонда.

Губы обветренные, под глазами синяки покруче моих бланшей. Вся прозрачная, аж вены просвечивает. Суповой набор — мешок костей и кружка крови.

Чертова задира Зайцева выглядит так, будто ничего не жрет, не спит, а только пашет без продыху.

Идиотка! С дебильной надписью на футболке «не(в)ротик».

Всю оставшуюся часть пути пытаюсь примириться с мыслью, что моя наглая и хамоватая пассажирка, кажется, заслуживает не пиздюлей, а тарелки супа и чертовой жалости.

Вскоре я паркуюсь у внушительного здания частной клиники с вывеской «Эс-Медикал».

Ведьма удивленно таращит глазищи, ерзая на сиденье.

— Куда ты меня привез? — В ее голосе дребезжит страх пополам со злостью. — Обещал же травмпункт!

— Какая разница? — Раздраженно выковыриваю ее из тачки. — Здесь тебя хоть посмотрят нормально.

— Ага, а потом пришлют километровый счет на лям, — шипит рассерженной кошкой. — Спасибо, не надо.

— Расслабься, Ведьма, — открываю ей входную дверь и подталкиваю в спину. — Сегодня все бесплатно. Даже костер святой инквизиции.

Фыркает, но хоть ногами перебирает.

На ресепе кратко обрисовываю ситуацию:

— Сотряс, возможно. Ага. Сделайте все, что нужно. Осмотр, обработка. Если надо — УЗИ, КТ… — Я на секунду ловлю полный подозрения взгляд Ведьмы и продолжаю: — МРТ, ФГДС, клизму, колоноскопию, кровь на анализ…

Задохнувшись от возмущения, она уже набирает в легкие

воздух, но я со смешком перебиваю:

— Хотя нет, с анализами повременим. Я же сегодня обещал без пыток.

######

12. Вера. Читай по губам

Смотрели эти сериалы про врачей, где пациента всем табором волокут на каталке по бесконечному коридору, попутно вбрасывая в эфир кучу непонятных слов?

Фильмом происходящее можно назвать с натяжкой. Но вайб тот же.

За какие-то сраные десять минут вокруг меня сгружается целый консилиум врачей.

И они все говорят, говорят, говорят.

Выхватываю только по паре фраз от каждого эскулапа. Фокусироваться сложно. Вдвойне — когда башка звенит так, будто у меня там колокольня с запутавшейся в стропах летучей мышью.

Белобрысый благодетель неотрывно торчит на периферии.

Прибила бы гандона.

Ой, ну вы сейчас скажете, что я неблагодарная агрессорша с завышенным ЧСВ?

Сафонов же типа такой свято-о-оша — спас меня, непутевую тетеху, возится теперь, лечит. А я только и делаю, что поливаю его гуано.

Ах, какая я плохая!

Алле! Прием!

Этот выродок специально — хабаровск ставлю! — при-

шел в ресторан, где я работаю. Упс, поправочка: ра-бо-та-ла!

Устроил гребанное представление со своими дружками-свиньями. Они отменно там потусили… за мой счет. Уверена, за битое стекло вычли все из моей зарплаты, и при расчете я получу дырку от нуля. Еще и штраф вкатят!

Вам мало?

А как насчет того, что этот гамадрил довел меня до такого невменоза, что адекватность покинула чат в самый неподходящий момент, и я чуть не прокатилась на капоте.

Спас. До-о-о! Герой. До-о-о!

Эй! Не спешите одевать утырка в белые одежды.

Подумайте. Не заявись он сегодня ко мне на работу, я бы спокойно закончила смену. Собралась бы, мирно попрощалась со всеми и поехала домой.

И ничего бы этого не слу-чи-лось!

Помазав чем-то ранку на башке и таки сцедив две пробирки крови — это томатный сок, томатный сок! — меня раздевают до трусов и запихивают в аппарат МРТ.

И тут начинается мой персональный ад.

Главная фишка моего недуга — это не то, что я не слышу. А то, что мой дропнутый в детстве мозг превратился в садиста-извращенца.

Как бы крипово это не звучало, но абсолютной тишины для меня не существует.

Есть вечный звон, гул, шум на тех частотах, что мне еще доступны.

Вот прямо сейчас, в такт стуку этой шайтан-машины, у меня в ушах завелась разъяренная обезьяна с тарелками, которыми она от души ебашит, выжигая мне последние здоровые нейроны.

Скажем огромное спасибо белобрысому гаду за этот диджейский сет? До-о-о!

Я не знаю, сколько эта экзекуция длится, но по ощущениям — человечество успело шагнуть в новую эру.

Когда эта пытка заканчивается, и меня выкатывают из технологичного саркофага, от облегчения я готова расцеловать всех и каждого.

Конечно, кроме сморчка Сафонова.

В каморке рядом с пыточной скидываю с себя прозрачную ночнушку, в которую меня обрядили на манер городской сумасшедшей.

Натягиваю джинсы и тянусь к лифчику. И в этот момент дверь открывается.

— Заня… — слова застревают в горле, когда я вижу, кого там нелегкая принесла.

Белобрысый прыщ собственной персоной. Стоит и пялится.

Инстинктивно прижимаю руки к груди и сурикатом замираю под оценивающим, наглым взглядом.

Резко отворачиваюсь, лишая себя тактического преимущества — вздумай сейчас бабуин открыть варежку, и я не разберу половины слов.

Стыд колючими разрядами жалит кожу.

Наплевав на лифак, пулей ныряю в вырез футболки, стараясь не думать, в чем она уляпана. Это томатный, мать его, сок!

Повернув башку в сторону благородной личинки, зло бросаю:

— Тебя не учили стучаться прежде, чем входить?

Он вопросительно задирает бровь.

— Тебе-то какая разница?

Вместо ответа пожимаю плечами.

Хрена лысого я признаюсь этому утырку, что стук в дверь я слышу… как и его противный голос.

— Учили. — Гаденыш складывает руки на груди, будто спецом приперся сюда заценить мои сиськи. — Но я вечно путаю. Поэтому для меня нет закрытых дверей.

— Оно и видно! — Поджимаю губы, припоминая, как он вломился ко мне в туалетную кабинку в клубе.

Всего пара дней прошло, а я этого вонючего клопа уже на дух не перевариваю.

— И, кстати, я стучал, — нагло заявляет он, продолжая пожирать меня глазами. Чувствую его взгляд на уровне моей груди и злюсь еще сильнее.

— Зачетная надпись. — Скалится, перекатываясь с пятки на носок. — Твой девиз по жизни? А как же «анал спасет мир»? Или она у тебя уже набита на заднице?

— С каждым твоим словом, гандон, — рычу, — мне все

сильнее хочется заняться твоим просвещением. Желательно вколачивая эти бесценные знания в твою пустую черепную коробку… но, может, через задницу и быстрее дойдет. Только скажи!

— Ты слишком много на себя берешь, Ведьма, — отбривает подачу Сафонов… и захлопывает дверь. С этой стороны.

А через мгновение я уже прижата к стене. Дергаюсь, но гад наваливается всем телом, сокращая расстояние между нашими лицами до жалких сантиметров.

Меня окутывает его запахом. Невольно втягиваю аромат глубже. Соленый морской ветер, кожа и бергамот.

Уютно, тепло и как-то лично.

Так не могут пахнуть избалованные придурки. Так пахнет кто-то… свой.

Полные губы мажора дергаются, складываясь в слова:

— А теперь слушай…

Он презрительно кривится, явно поняв всю патовость ситуации.

Глухая и «слушай».

Но не успеваю пройтись ядовитой бритвой по его промашке, как ловлю в серых глазах предвестники надвигающейся бури.

— …тогда читай по губам, Ве-ра.

13. Вера. Гаденыш

— Читай по губам, Ве-ра, и хорошенько запомни. — Искаженный механический голос мажора вибрирует у меня в голове.

— Я никогда не был терпеливым человеком. И ты со своим грязным ртом и обезьяньими ужимками у меня вот уже где! — Сафонов ребром свободной ладони резко чиркает по своей шее.

Каждая мышца его лица напряжена, скулы резко очерчены, губы поджаты, ноздри не так давно зафаршмаченного носа сердито раздуты. Не нужно быть профи в физиогномике, чтобы догадаться — белобрысый пуп Земли в бешенстве.

Дергаюсь, пытаясь выскользнуть из этих недо-объятий, но Сафонов ловко блокирует эту попытку. Хватает мои руки и фиксирует у меня над головой — не рыпнуться.

Какого хера?!

А вот сейчас уже не смешно. Этот кабан весит в два раза больше, чем я, выше меня на башку и сильнее физически. И он абсолютно точно трезв.

— Неужели я тебя задела? — бравирую, не отрывая взгляда от его перекошенного гневом лица.

Я чувствую, как предательски дрожат поджилки, но изо всех сил стараюсь не показывать страха.

— Ой, мне так жаль! — тяну с издевкой. — Ты, главное,

не плачь… хотя нет, лучше выплакайся, а то еще помрешь такой невъебенный от отека мозга. Правда, чему там отекать?..

Его глаза опасно сужаются. Сафонов наклоняется еще ближе, так что я вижу каждую темную крапинку на светло-серой радужке, каждую жесткую морщинку в уголках глаз. Его губы растягиваются в подобие улыбки, когда он отбивает с паузами:

— Еще одно слово, Ведьма, и я нарушу свое правило — не мараться в грязи… и заткну твой рот. Очень действенным способом.

Я оскаливаюсь, чувствуя, как дрожь бежит по спине.

— Боюсь, меня стошнит от твоих «действенных способов».

В ответ его лицо искажается странной эмоцией. Триумф, предвкушение?..

Не успеваю я и пикнуть, как Сафонов резко подается вперед. Наваливается на меня своей тушей, вдавливая в стену всем весом и лишая воздуха. Коленом жестко вклинивается между моих ног, распиная меня и лишая возможности лягнуть мудака по яйцам.

Мне бы закричать, но урод не дает нормально сделать вдох.

Его пальцы, шершавые и горячие, впиваются в обнаженную полоску кожи на животе, а затем резко рвут вверх, под футболку. Кожа под его ладонями вспыхивает. Меня жалит

разрядами тока.

— Не на… — сиплю, панически дергаясь в его хватке.

И резко замираю, когда ладонь останавливается в сантиметрах от моей груди.

Дышу как паровоз, не в силах поверить в происходящее. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот прорвет кожу.

Внутри все кипит от негодования и ядовитой ненависти. Но тело, как в самом страшном кошмаре, предательски цепенеет и не способно дать отпор.

Из паралича меня выдергивает уверенное касание подушечкой большого пальца к нежной коже под ареолой соска.

Вздрагиваю, как от удара током, и смотрю прямо на своего мучителя, чувствуя, как глаза жжет от подступивших близко-близко слез.

Гаденыш не отворачивается, пригвождая меня к месту одним лишь взглядом.

— Что же ты замолчала, Ведьма? Неужто растеряла все свои дерьмо-словечки? — с издевкой протягивает он.

И будто нарочно несколько раз ощутимо проводит по тому месту, где набита моя татушка — крохотная оливковая ветвь.

Втягиваю сквозь зубы воздух, когда наглые пальцы ложатся на полушарие груди и резко сжимаются.

Зрачки урода неожиданно расширяются на максимум, поглощая серую радужку. Он сокращает расстояние между нашими лицами до минимума. Его мятное дыхание овевает

мои губы.

Сместив ладонь с моей груди на шею, он слегка сжимает пальцы. Мой пульс стучит стаккато.

— Не зли меня больше, Вера, — произносит этот маньяк.

— А то что… отшлепаешь? — стиснув челюсть, цежу я.

Господи, кто тянет меня за язык?!

Его лицо внезапно смягчается.

— М-м-м… Не подыгрывай моим фантазиям. Иначе… я сделаю для тебя исключение.

И так же внезапно, как и утрамбовал в стену, белобрысый отморозок отпускает меня. Дверь за ним закрывается с ощутимым хлопком, вибрация передается мне.

Руки падают плетьми, ноги трясутся, и я стекаю по стене на пол.

И что это сейчас было?

######

14. Вера. Женщина в белом

И что это сейчас было? Пытки по-Сафоновски?

Сижу, чувствуя себя облапанной. Грязной. Вот только эту грязь на мне оставили руки блондинистого червя.

— Не-на-ви-жу, — выдыхаю, зло стирая со щеки слезу.

Подтягиваю колени и сижу так до тех пор, пока в каморку не заглядывает медсестра и не уводит меня на очередной круг ада.

После этой демонстрации силы я сама себе напоминаю выжатый лимон. Молча и терпеливо сношу остальные манипуляции, и — о, боги! — даже не хлопаюсь в обморок, когда мне ставят какую-то до усрачки полезную капельницу.

Сафонов больше не торчит со мной рядом, будто потерял всякий интерес. Но его незримое присутствие в клинике я ощущаю кожей.

Будто мои радары настроились на него и теперь улавливают малейшие колебания пространства.

Вот и сейчас, еще до того, как дверь палаты открывается, мое чутье буквально кричит о том, что там мой враг.

Белобрысый урод просачивается внутрь в компании бумажного пакета.

— Поешь. — Ставит его на тумбу рядом с койкой. По палате немедленно расплывается запах еды — умопомрачительно до резей в животе.

— Я не голодна, — сглотнув слюну, холодно буркаю.

Вопреки моим словам ощущаю, как ноет от боли желудок.

Уголок рта Сафонова дергается.

— Я так и понял.

Он явно собирается что-то еще сказать, но я больше не хочу «слушать».

Отворачиваюсь и закрываю глаза.

Я не хочу с тобой говорить.

Надеюсь, гандон, твоих зачатков мозга хватит, чтобы разгадать этот ребус без подсказки.

Из-под ресниц слежу, как широкая спина исчезает в дверном проеме.

Фух!

Стоит этой белой плесени оставить меня одну, как я принимаю вертикальное положение и тянусь к катетеру. Я ни секунды не останусь здесь.

Мешкаю, с сомнением поглядывая на трубку системы с бабочкой на конце, прилепленной к коже лейкопластырем. Если выдерну неаккуратно, позорно хлопнусь в обморок.

Закусив губу, хватаюсь за пластик, и в этот момент в поле моего зрения появляются белые остроносые лодочки.

Они, конечно, материализуются не одни, а в комплекте с остальным телом.

Я удивленно пялюсь на женщину, упакованную в светлый брючный костюм.

Белого вообще в незнакомке слишком много.

Светлые волосы с проседью, стянутые в узел на затылке. Прозрачно-серые глаза. На руках тяжелые чеканные браслеты из светлого металла, пальцы унизаны перстнями.

Багровый шейный платок и помада в тон — единственные яркие акценты.

От этой олд-леди за версту веет олд-мани. И она ни хрена не похожа на медсестру.

— Я бы категорически не советовала этого делать, дитя, — шевелятся ее багровые губы.

— Я бы с удовольствием повалялась тут еще, — копирую ее манеру, но у меня выходит чуть резче, чем хотелось. — Жаль атмосфера не располагает.

В ответ на мои слова женщина тут же неодобрительно поджимает губы.

— Я вызову кого-то из персонала. — Она тянется к пульту рядом с койкой. — Не хотелось бы наблюдать за вашим обмороком.

— Откуда вы знаете? — Не свожу с этой странной женщины глаз.

Высокая, подтянутая, с возрастными морщинами на лице и шее, но при этом у меня язык не поворачивается назвать ее старушкой.

Старушки мягкие и кругленькие. Они вяжут носки, пекут пирожки и балуют внуков.

От дамы в белом веет такой властью, что я невольно подбираюсь.

— В моей клинике от меня секретов нет, — скупо улыбнувшись, женщина представляется: — Анастасия Романовна.

— Вера.

Громкий стук в дверь разбивает нашу идиллию.

— Ведьма, будь готова через… — Сафонов, переводит взгляд с меня на мою неожиданную посетительницу. — А, вы здесь…

На его лице мелькает досада, но я уже смотрю на Анастасию Романовну.

— Я удивлена, что тыздесь. — Сложив руки на груди, она снова поджимает губы, превращая их в багровую полоску на лице. Скептически задирает тонкую бровь. — Хотя, кто еще мог устроить тут такой переполох.

В ответ этот прыщ погано ухмыляется и, игнорируя недовольство владелицы клиники, бросает мне:

— Через полчаса отчаливаем, будь готова.

И, больше не говоря ни слова, сваливает.

Ну и скотина! Кто так себя ведет?

Зато постучал!

— Краса-а-авец, — качает головой Анастасия Романовна, явно восхищаясь маской панды на роже Сафонова. — Ваш молодой человек?

— Шутите? — Вылупаюсь на нее во все глаза и не выдерживаю: — Быстрее ад замерзнет, чем я с этим бабуином встречаться начну.

Меня аж передергивает от такой перспективы.

Анастасия Романовна с непроницаемым лицом наблюдает, как я избавляюсь от катетера. Молча подает мне гемостатическую салфетку.

— Я бы на вашем месте дождалась Тимофея, — она все-таки не удерживается от совета.

Хорошо, что я не собираюсь ему следовать.

Я успеваю влезть в кеды, когда появляется встревоженная медсестра и начинает причитать:

— Ну что же вы делаете? Так неаккуратно вытащили иглу, синяк же будет.

Ой, меня это вообще мало волнует.

— Дайте хоть я вам перевяжу.

Деятельная медсестра быстро бинтует меня и испаряется.

Анастасия Романовна тоже собирается на выход.

— И все же, я считаю, вам не стоит отказываться от помощи Тимофея, Вера, — на прощанье произносит она.

— Помощь этого придурка? Скорее проклятие… — вырывается у меня горькое.

— Не думаю, что это оно. Хотя, как знать. Как знать.

— Забота об его удобстве тоже входит в ваши должностные обязанности? — хмыкаю.

Меня раздражает ее зацикленность на персоне белобрысого говнюка.

— Иногда. — Анастасия Романовна с легкой улыбкой элегантно заправляет прядь волос и, как из дробовика, расстре-

ливает меня в упор: — В конце концов, этот придурок — мой внук.

Шта?!

15. Тим. Треш

Раздраженно отбиваю ногой ритм, пялясь на дверь ведьминской палаты.

Какого хуя я еще здесь?

Дверь приоткрывается, и Анастасия Романовна царственно выплывает в коридор.

— Здравствуй, Тимофей, — как всегда, первой напоминает мне о манерах.

— Здравствуйте, — отбиваю и добавляю с усмешкой, — бабушка.

Ожидаемо Анастасия Романовна морщится так, будто я на всю клинику крикнул слово «хуй».

Еще давным-давно она запретила называть ее бабой Настей, но я периодически не могу сдержаться от подъебонов.

— У тебя интересная знакомая, — бабушка дипломатично подбирает выражения.

Ага, «ебанутая» не в ее лексиконе.

— Вы хотели сказать: долбанутая на всю голову, — с коротким смешком кручу пальцем у виска. — Это так… недоразумение.

— И все же, кто она?

Кривлюсь:

— Долго рассказывать… Да и не хочется вас грузить всякой фигней.

— Из-за фигни, как ты изволил выразиться, малознакомых девушек не привозят в мою клинику… — Анастасия Романовна с дотошностью опытного следака раскладывает все по фактам, не позволяя увильнуть от расспросов. — … и не гоняют мой персонал так, будто здесь принимают персону королевских кровей, не меньше.

— Ну ба-а-а!.. — Раздраженно закатываю глаза. — Ну давайте без нотаций! Ваш сын уже порядком выдрочил меня…

— Не выражайся! — добавляет стали в голос. — Несносный мальчишка, сколько я тебя учила манерам?

— Простите, это нервное…

Ерошу волосы на затылке и жду короночку.

— Займись своими нервами, — с прохладцей язвит бабушка и добивает: — А в выходные приедешь ко мне и подробно расскажешь, как ты до такого докатился. Все с самого начала.

— Принято, — бурчу.

Ну вот, пиздюли от дорогой бабули скоро тоже подъедут.

Мягко взяв меня за подбородок, Анастасия Романовна крутит мою башку в разные стороны.

— Мда, украшение под стать бандиту. Это тоже долгая история?

Да как сказать.

В этот момент из палаты выскакивает всклокоченная Ведьма и замирает, пялясь на нас с Анастасией Романовной так, будто апокалипсис начался.

Бабушка озадаченно разглядывает надпись «не(в)ротик» на футболке Ведьмы.

В ответ та густо краснеет.

Да ладно?! Эта стерва умеет краснеть? Щас снег точно пойдет, и метеорит ебнется прямо нам на бошки.

— Пожалуй, оставлю вас одних. — Анастасия Романовна, сделав какие-то выводы, кивает нам обоим и гордо удаляется.

Ой, чует моя задница, расспросы в выходные будут быстро переквалифицированы в пытки.

Зайцева, у которой на лице еще пару секунд назад явно читалось желание съебаться отсюда, теперь стоит и пришибленно пялится вслед бабушке.

Смотрю на это исчадие ада, заложив руки в задние карманы джинсов.

Хочется поржать.

Что, обломала зубы об мою бабулю?

С уверенностью могу сказать, что Анастасия Романовна обладает не только бульдожьей хваткой, но и стальными яйцами, которые на порядок больше отцовских.

После смерти деда бабушка взяла на себя все проблемы с бизнесом и до сих пор правит — как истинная княжна — железной рукой.

Вот кому бы в политику. Но на этот счет Анастасия Романовна могла бы предельно четко выразиться, мол, ее никогда не будет в этой грязи.

Ну че тут скажешь? Кесарю кесарево.

— Пойдем, — подхожу к Ведьме и касаюсь ее плеча, привлекая внимание.

Она тут же дергает им, сбрасывая мою руку:

— Сама дойду.

— Ну сама, так сама, — легко соглашаюсь. И вопреки сказанному конвоирую ее на выход из клиники.

Я бы сейчас с удовольствием обеспечил Ведьме три вещи: чемодан, вокзал, на хуй.

Но какая-то часть меня желает «насладиться приятным обществом» по полной.

И я ловко пакую исчадие ада в тачку.

Однозначно, эта часть меня осталась довольна назапланированным сеансом стриприза.

И член с ней, сука, ой как солидарен.

Я выруливаю с парковки клиники, а перед глазами так и стоит ведьминская двоечка.

Налитые девочки — левая еще и с дерзким росчерком татушки, прямо под упругим полушарием, — увенчанные темными вишенками сосков, вмиг устроили прямое включение моему члену.

Парень болезненным колом оттягивал ширинку, пока я лапал восхитительные сиськи отвратительной Ведьмы. И еще минут двадцать стоял, пока я приводил себя в чувства, хлебая ледяную воду из кулера.

Бля. Что со мной?

Почему я хочу эту невыносимую стерву так, что перед глазами темные круги, а кровь курсирует только в паху.

Глухая Ведьма бесит меня так, что милосерднее ее прибить, чтоб не мучилась. И пахнет, сука, так, что зажигает во мне похоть в секунду.

Эта дрянь насилует мне мозг, а я вместо того, чтобы послать ее по знакомому маршруту, всерьез думаю о том, как устроить с ней сладкий износ.

Тре-е-еш!

16. Тим. Злая

— Мы сейчас в жопу ему влетим! — сердито вырывает меня из пошленьких грез Ведьма.

Оттормаживаюсь, увеличивая дистанцию с кроссовером.

— Не ссы. Все под контролем, — хрипло отвечаю, на секунду взглянув на злую Зайцеву.

Да ни хуя не под контролем!

Меня штырит от запаха и близости этой сучки так, что пальцы дергает.

Не знаю, как мы доехали из точки А в точку Б и не разъебали тачку.

Чудом, не иначе!

— Ты здесь живешь? — Приподнимаю брови, разглядывая угандошенную панельку.

— А ты думал — под мостом? — Язва закатывает свои зеленые глазенки и выбирается наружу, не забыв от души ебнуть дверью.

Стерва неблагодарная.

В салоне остается ее чертов запах, и я за каким-то хером выхожу следом.

— Провожу, — буркаю на невысказанный вопрос. — Мало ли чего…

— Это «чего» уже со мной случилось, — Ведьма срубает на корню все мои попытки быть, сука, джентельменом, и

раздраженно копошится в сумке.

Я топаю за ней следом в темный подъезд, пропахший кошачьей мочой и жареным луком.

Игноря меня, Ведьма шлепает по ступенькам наверх. Я, как привязанный, поднимаюсь за ней на третий этаж.

Здесь шумно, грязно и накурено. Дверь из тамбура ведет в длинный коридор с наваленным кучами хламом — от старых лысых покрышек и великов до коробок и поддонов с какой-то увядшей зеленью.

Мимо проносится тетка в засаленном халате и с тазом в руках.

— О, Верка, чего так поздно? — кричит она, не сбавляя шага и успевая стрельнуть в меня любопытным взглядом. — На свиданку бегала, штоль?

— Здрасьте, теть Маш, да пришлось смену отработать, — неохотно откликается Ведьма.

—А ну-ну! Заходи потом ко мне за картошкой.

— Ага.

Картошкой? Сириусли?

Тетка вместе с тазом скрывается за обшарпанной дверью, а Ведьма, растеряв все добродушие, оборачивается ко мне.

— Че ты пристал, как банный лист к жопе?! — шипит, сузив зеленые глаза. — Топай уже отсюда!

Выгнутой спины не хватает, и будет вылитая дворовая кошка.

Хмыкаю.

— Я обещал тебя проводить…

Она тут же зло перебивает:

— Все, проводил! А теперь вали!

И все это свистящим шепотом и с оглядкой на двери.

Что, Ведьма, боишься, тетка с тазом прибежит и всучит мне твою сраную картошку? Или что обитатели этих убогих халуп сбегутся посмотреть, кого ты на ночь глядя привела? Может, еще и мемно «шлюха» покричат из-за угла?

Становится смешно. Зажевав улыбку, складываю руки на груди и отбиваю:

— До двери.

Набрав побольше воздуха в грудь, Ведьма прожигает меня взглядом, а потом, так ничего и не сказав, раздраженно топает в конец коридора.

На дверном полотне, выкрашенном в черный цвет, крупно написано белой краской: «Зайцева». Сбоку кто-то приписал зеленой — злая.

Злая Зая. Ну кто бы сомневался.

— Дверь, Сафонов. Сафонов, дверь, — скороговоркой произносит Ведьма и отпирает замок.

Ее разноцветные вихры воинственно топорщатся. Упираю ладонь в косяк как раз над ее башкой.

Ведьма замирает. Склоняюсь ниже, перехватывая ледяной взгляд.

— На чай не пригласишь? — зачем-то стебу ее.

Ни за какие бабки мира я не останусь здесь. И уж тем бо-

лее не возьму ничего из рук этой буйнопомешанной.

Отравит еще. Ну нахер.

Секундная пауза.

А потом, широко распахнув дверь, Ведьма шагает в темноту комнаты… и с треском захлопывает ее прямо перед моим носом.

Ну, нет, значит, нет. Хотя спасибо стоило разок сказать. Весь вечер угрохал на эту ненормальную.

Криво ухмыляюсь, проделывая обратный путь к тачке.

Уже засыпая в своей постели, вдруг вспоминаю убогое пристанище Ведьмы. Живет в сраном клоповнике, жрет картошку, а строит из себя нитакусю.

Стерва заносчивая. С охуительными сиськами.

Не-е-е, нахуй мне этот аттракцион.

Завтра же откажусь от отработки, пока мозг совсем в трусы не утек.

Решено.

17. Тим. Защитнички

Утром еду в центр в самом мрачном расположении духа. Насмотревшись порно снов с чертовой Ведьмой и ее сиськами, я как дебил полночи тыкался в матрас стояком. Думал, прорву ткань к куям.

Спрашивается, какого банана я сегодня подскочил ни свет ни заря и мчу на отработку повинности, если все уже решил?

Уверен на все двести процентов, мерзкая Ведьма уже торчит там. С этой припадочной станется насрать на постельный режим после легкого сотряса и приползти в свой драгоценный центр волонтерить из последних силенок.

Почему меня это волнует? Вот на этот вопрос вообще no comments.

Сжимаю оплетку руля с такой силой, что та протестующе скрипит.

Я просто хочу убедиться, что Зайцева именно такая — убогая дура с напрочь угандошенным чувством самосохранения.

Как же она меня бесит. А я ее еще даже сегодня не видел.

Паркуюсь рядом с центром и захожу внутрь. Ведьмы в каморке волонтеров нет.

Какое-то странное чувство зудит под ребрами, и я, ведомый им, направляюсь в кабинет к директрисе.

— Здрасьте. А Зайцева где? — врываюсь без стука.

Валерия Дмитриевна поднимает на меня настороженные глаза.

— Здравствуйте, Тимофей. Вера взяла отгул.

Да ладно? Снега ждать с метелью?

Я уже собираюсь свалить из кабинета, но то самое, неясное чувство резко трансформируется в вину, и я как под гипнозом выдавливаю из себя:

— Помощь нужна какая?

Тонкие брови Валерии Дмитриевны взлетают вверх, и она смотрит на меня так, будто у меня рога выросли.

— Вы знаете, как раз сейчас должна подойти газель с продуктами. На кухню… если вам несложно?..

— Окей, — киваю и двигаю вон из кабинета.

Вот кто тебя за язык тянул, а, Сафонов? Благодетель, блять, белопольтовый.

Хмыкаю. Это все тлетворное влияние Ведьмы. Прокляла, сучка, не иначе.

Еще около часа я тусуюсь в центре. Добрых дел оказывается неожиданно много. Разгрузка, уборка, подтекающий кран в бойлерной...

Усвиняченный и мокрый вываливаюсь на улицу с двумя огромными пакетами мусора.

Звонок телефона раздается как раз в тот момент, когда я, утилизировав ношу, шлепаю на парковку.

— Где ты? — в динамике раздается недовольный голос бати.

— Познаю жизнь простого обывателя, — ворчу, смахивая грязь со лба, и не удерживаюсь от язвительного комментария: — По твоему же приказу.

— Жду тебя в офисе.

— Не могу, я занят… — хочу еще добавить, что мне нужно надраить толчки, но в этот момент мне прилетает чем-то в затылок.

Дергаюсь, телефон выскальзывает из руки и с хрустом убивается об асфальт.

— Какого хера?! — рычу я, разворачиваясь, и осекаюсь, разглядывая тощего пацаненка лет тринадцати, застывшего напротив.

Наглый и прямой взгляд, упрямо сжатая челюсть и воинственная поза прямо-таки кричат — местный абориген настроен ко мне враждебно.

За его спиной собралась целая ватага таких же мелких сопляков. И все до единого смотрят на меня с нескрываемой ненавистью.

В руке предводителя замечаю ком грязи. Так вот, что стекает мне за шиворот.

— Кидай, — киваю ему. — Или ты смелый, только пока я не вижу?

Пацан цыкает и бросает ком грязи мне под ноги. На обритых висках замечаю странные круглые штуки, похоже приделанные прямо к черепушке.

— Если ты еще хоть раз обидишь наших девчонок, —

звонко и четко говорит он. — Мы начистим тебе пятак. Понял, глиста в скафандре?

— Кого я успел обидеть? — складываю руки на груди, стреляя глазами по сторонам.

Из окон первого этажа за нами следят с дюжину любопытных мордашек.

— Маринку, кого еще-то! — произносит пацан как само собой разумеющееся.

Марина, я так понимаю, вчерашняя девчонка, что растянулась на мокром полу.

Хмыкаю, стараясь сохранить лицо.

Не каждый день мне угрожают начистить пятак.

Пожимаю плечами.

— Это вышло случайно…

— Врешь! — выкрикивает один из мелких. — Она из-за тебя вчера зуб сломала и губу прикусила!

— Мне жаль, пацаны. — произношу спокойно, стараясь не кривиться от ощущения сползающей по спине липкой грязи.

— Ага. Жаль ему. А извиняться кто будет? — тут же возражает мне рыжий шкет из толпы.

Другие тут же подхватывают;

— Вы видели его тачку?! А кроссы и часы? Да у него рожа треснет, если он простое спасибо скажет.

— Ничо не умеет! Я сам от дяди Гриши слышал, богатей даже кран затянуть нормально не смог!..

— А давайте его говном закидаем!

Предводитель цыкает на мелких и говорит мне:

— Девчонок обижать нельзя. У Маринки и так проблем хватает с батей-алкашом, а тут еще и зуб…

Черт.

— Я не знал.

Пацан вздыхает так по-взрослому, будто ему каждый раз приходится вот таким долбоебам, как я, объяснять прописные истины.

— Делай нормально — нормально будет, — он неожиданно изрекает пацанскую цитату. — Не знаешь, как тряпку отжать и полы помыть, спроси. И перед Маринкой извинись.

— Добро.

— И Веру нашу не трогай! — снова выкрикивает тот мелкий рыжий мститель, что предлагал меня дерьмом закидать.

Двое пацанов убегают и возвращаются в компании той самой Марины.

Обращаюсь к предводителю:

— Тебя как зовут?

— Семен, — насупившись, отвечает.

— Тимофей, — представляюсь следом. — Марина ведь меня не слышит?

Качает головой.

— Поможешь? — поясняю с улыбкой: — Я не знаю вашего инопланетянского языка…

Семен нерешительно переглядывается с мелкими.

— Ла-а-адно, — тянет. — Только я переводить не буду! Сам скажешь.

Выслушав меня, Семен быстро показывает жесты.

Я присаживаюсь перед Мариной и, неуверенно сложив перед грудью ладони в молитвенном жесте, двигаю ими по направлению к ней.

Прости.

Тыкаю пальцем себе в грудь.

Меня.

Снова указываю пальцем на себя. Сжимаю пальцы в кулак у виска, и резко разгибаю их, выбрасывая ладонь вперед.

Я не хотел.

Марина внимательно следит за моими действиями. И на последнем жесте ее брови удивленно ползут вверх.

Неправильно, что ли?

Повторяю всё заново.

Пацаны начинают тихонько ржать, тыкая друг друга локтями. Губы Марины тоже дергаются в робкой улыбке. Семен же смотрит на меня с затаенной усмешкой во взгляде.

Чувствую какой-то подвох, но Марина в этот момент как раз медленно указывает на себя пальцем, потом на меня. А следом раскрывает маленькую ладошку и другой будто смахивает с нее пыль.

— Она тебя прощает, — переводит Семен.

А Марина уже быстро-быстро перебирает пальцами.

— Говорит, что зуб как раз шатался, и она боялась его

выдергивать, — продолжает бубнить Семен. — А тут как раз ты, ду… кхм… помог.

— Радуйся! — встревает рыжий. — Это Маринка просто добрая, а мы б тебе накостыляли!

Мелкота шустро рассасывается. Семен топчется рядом.

— Все понял?

— Все, — с усмешкой киваю. — Твоя группа поддержки была очень убедительна.

— Ну на тогда! — Он протягивает мне кулак и ссыпает в ладонь… колпачки со знакомой эмблемой.

— Какого?.. — выдыхаю я.

Семен, успевший удрать в сторону корпуса, кричит мне на бегу:

— Это тебе за Веру! В следующий раз выброшу…

И когда только успели скрутить?!

Подбираю с асфальта труп смартфона и иду к мэрсу. Присаживаюсь и переднего колеса и пялюсь на голый ниппель.

Вот же черти! Реально с моей тачки!

Вспышка раздражения быстро затухает, а на смену ей рвется смех.

Проржавшись, падаю в салон. Стираю влажными салфетками грязь с затылка и качаю башкой:

— Ну надо же, Ведьма, какие у тебя тут, оказывается, защитнички!

Не пропадешь без меня. Потому что дальше нам с тобой не по пути.

К моменту, когда я подъезжаю к офису отца, мое настроение уже находится в нормальном диапазоне, а вот дурное предчувствие никак не хочет меня покидать.

Как оказалось, не зря!

18. Тим. Татьяна

В кабинете отец не один. Что, в принципе, не удивительно. После того, как он решил баллотироваться на пост мэра, с ним постоянно тенью болтается кто-то из команды.

Про себя я их называю темными прислужниками.

Вот и сейчас на меня вылупились сразу трое из них.

Отец же продолжает делать вид, что до хуя занят и не выпускает из рук планшет. Из-за его плеча, почти навалившись на это самое плечо грудью, торчит незнакомая женщина.

Старше меня лет на десять и с мышью Юлией ничего общего.

Она, кстати, тоже тут, сидит тихо в углу и шуршит бумагами.

Пару раз стучу костяшками по дверному косяку, и меня — о, наконец-то! — замечают.

— Ты опоздал, — произносит отец так, будто тут без меня все к хуям успело развалиться раз десять.

— Мне уйти? — нахально заявляю, привалившись к дверному проему.

Мышь Юля замирает. Незнакомка тоже отлипает от батиного плеча и выпрямляется. Прокручивая в руке маркер, с интересом меня разглядывает.

Тоже оценивающе прохожусь глазами по ее фигуре, уделяя чуть больше внимания груди, аппетитно выпирающей в

вырезе строгой блузки.

Ниче такая милфа, хоть я и не фанат.

Будто точно зная, о чем я думаю, незнакомка неодобрительно поджимает красные губы и поворачивается к исписанной маркером белой доске.

— Проходи, — бросает с раздражением отец, отрываясь от планшета. — Оставьте нас…

Темные прислужники шустренько тянутся на выход. Даже мышка Юлия проскальзывает мимо в обнимку с кипой бумаг.

Мы остаемся втроем.

Недоуменно смотрю, как красногубая незнакомка стирает какие-то схемы с доски. Губка противно скрипит, и этот скрип действует мне на нервы.

— Ты кое-кого забыл, — подбородком указываю на милфу.

— Леш, я пойду, — она тут же прекращает свое занятие и собирается обойти стол, но батя ловит ее за руку.

— Ты можешь остаться, — непривычно мягко произносит он, не выпуская ее руки, а потом переводит взгляд на меня. — Это не займет много времени.

Не понял. Это че, блядь, сейчас такое было?

Пялюсь на милфу, чувствуя себя последним лохом.

Отец с матерью последние лет пять грызлись как собаки. А этой… Тане ручонку наглаживает и едва из штанов не выпрыгивает.

Фу, блядь, сейчас стошнит!

Внутри вскипает обида.

— Ничего не хочешь мне рассказать? — начинает отец.

Не выдерживаю и парирую:

— А ты? Надеюсь, вызвал меня не для того, чтобы познакомить со своей новой шлюшкой? — едко выдыхаю, проходя к столу. — Или мне сразу называть эту суку мамой?

— Тимофей! — рявкает батя и лупит со всей дури по столу. — Ты что себе позволяешь? Прости, Таня…

— Не стоит извиняться, Леш, — спокойно отзывается она, поглаживая его по плечу. — Все люди взрослые. Мальчик переживает непростой период. Думаю, он сейчас остынет и сам передо мной извинится.

Думает она, блядь.

От «мальчика» меня вообще вштыривает не по-детски.

— Да пошла ты…

— Тимофей!

Непримиримо сверлю отца взглядом. У меня ебанный черный пояс по упрямству.

Он тяжело вздыхает:

— Таня, это невоспитанное хамло — мой сын Тимофей. Тимофей, это…

— Я слышал, — перебиваю и прохожу мимо сучки к панорамному окну.

Мне хочется разбомбить весь этот чертов кабинет. Потому что я видел, какими взглядами обменялись отец с этой

сисястой Татьяной.

— Она возглавляет отдел пиара… — раздается из-за спины напряженный голос отца.

Оборачиваюсь и смеряю эту долбанную пиарщицу злым взглядом. Ну прямо сама невинность.

— И давно ты с ней спишь? — игнорируя сучку, продолжаю пробивать страйки.

— Тимофей!

От гнева у отца вена вздувается на лбу, лицо багровеет. Он несколько раз дергает галстук, будто ему не хватает кислорода. Хотя сплит ебашит так, что у меня спина уже заледенела.

— Леша! — с криком бросается к нему сучка Таня и помогает ослабить узел. — Сердце, да?!. Сейчас… сейчас, попей воды…

Она подает ему стакан и выщелкивает из стандарта пару таблеток. И все с такими взглядами, что только слепой не заметит очевидного.

Отец изменяет маме. Изменяет, даже, сука, особо не скрываясь. И судя по их воркованию — давно.

С силой стискиваю зубы. Горечь растекается во рту маслянистой пленкой, не сплюнуть, не сглотнуть.

Стою и смотрю на эту сраную Санта Барбару и хочется, блядь, просто убиться об стену.

Но я, механически переставляя ноги, сваливаю отсюда нахрен, пока у меня самого не случилась остановка сердца.

Ебаная кринжатина.

19. Тим. Наведем красоту

Отец появляется в лаундже, когда на город опускается тьма.

Очень, блядь, символично.

— Хай! — неловко салютую ему стаканом с вискарем и едва не задеваю колбу кальяна. Он угрожающе покачивается, уголь с чаши сваливается на обивку дивана, прожигая в ней дыру.

— Нажрался как свинья! — рычит на меня отец.

— Пил за счастье молодых, — отбиваю, еле ворочая языком, и тянусь за бутылкой. — На свадьбу можете не приглашать…

— Перестань паясничать!

Батя споро отбирает у меня пойло.

— Эй! — Возмущенно провожаю бутылку взглядом. — Я еще… не закончил…

— Зато я — да!

Отец нависает надо мной скалой. Даже ловлю ощущение, что мне снова десять, и меня сейчас поставят в угол.

— Я же просил тебя завязать со всем этим дерьмом… — с тяжким вздохом произносит он.

— Сорян. — Дергаю плечом и зажимаю губами мундштук. — В свете вновь… э-э-э… открывшихся обстоятельств нельзя было… не на-ка-ти-ть…

Брезгливо оглядев соседнее с диваном кресло, батя усаживается в него.

— Давай поговорим, сын, — начинает он.

Избегая смотреть ему в глаза, молча выпускаю в небо кольца ароматного дыма, голову ведет как на американских горках.

— Ты знаешь, что я любил твою маму. Но мы с ней давно уже чужие друг другу, — ровно произносит отец, следя за расползающимися в ночном воздухе колечками. — И, по-хорошему, нам нужно было это прекратить еще несколько лет назад. Но мы старались ради тебя…

Хмыкаю.

Ага. Пиздец, как старались. Дома от скандалов стекла дрожали.

И один хуй, я чувствую себя беспризорником, потому что два некогда родных человека рвут нашу семью на куски.

— Твоя мать сама подала на развод.

— Ага, — киваю, — после того, как узнала, что ты шпилишь эту… как там ее?.. — Кручу рукой в воздухе. — Наташа? Света? Погоди, там что-то простецкое… А-а-а, точно… Таня!

— Не нарывайся, — он отзывается глухо в ответ, и наступает неловкая пауза.

Я не хочу ее заполнять бессмысленными разговорами. Я и нажрался только потому, что есть большая вероятность — под этой убойной седацией я точно не втащу папаше в бубен.

Тело в мясо. Даже палец тяжело поднять. Не то, что кулак сжать.

— Это наше с мамой решение. — отец первым нарушает тишину. — Прими это как мужчина.

Ну фа-а-ак.

Я-то надеялся, что он сейчас съебется и оставит меня наедине с моими тараканами, раскормленными до размера демонов из преисподней.

— Я и принял… — Лениво кручу в пальцах трубку кальяна. — … сгоняй по-братски еще за бутылкой.

— Тим…

— А мать еще жаловалась, что ты перерабатываешь, устаешь…

Вискарь что-то сделал со мной. Открыл задраенные наглухо шлюзы, и теперь из меня сплошным потоком прет вся накопившаяся за день желчь. И я с большим удовольствием топлю в ней того, кто посмел предать самую главную женщину в моей гребанной жизни.

— Щи-борщи тебе пиздопарила, повара прогоняла с кухни. Загулы твои прощала… Она же поэтому в Милан умотала, да? Чтобы не видеть своими глазами это блядство?

— Следи за словами, щенок! — гремит батя и сам тянется к бутылке с вискарем. Делает глоток прямо из горла. — Что б ты еще понимал в этой жизни…

— Ну кое-что я понимаю, па-па, — выплевываю и пытаюсь сесть ровнее, но только сильнее проваливаюсь в подуш-

ки. — Например, про твои выборы.

Насрав на попытки встать, ядовито протягиваю:

— Представь, как обрадуются твои избиратели! Так и вижу агитки… — Веду ладонью по воздуху: — «Голосуем за Сафонова. Наш кандидат плутоват и блядоват!» Ай, как скрепно-о-о!

Отец мрачно смотрит на меня, заложив руки в карманы брюк.

— Все, цирк закончен?

Затягиваюсь дымом.

— Неа. Могу продолжать хоть до утра.

После моих слов, он молча уходит из лаунджа… и возвращается через минуту в компании Виктора, его бессменного водителя.

В четыре руки они буксируют меня до ванной. Трамбуют в джакузи и врубают воду.

В первые секунды мне кажется, что это кипяток, но потом до мозга. накачанного алкоголем под завязку, доходит, что в-вода, с-сука, л-ле-д-дяная.

— Блядь, вы охуели?! — надрываю связки, пытаясь выбраться отсюда нахуй.

Но экзекуция продолжается до тех пор, пока у меня не клинит от холода челюсть, а в башке не проясняется.

Злой и промерзший, сука, до костей, я сижу за барной стойкой на кухне и с ненавистью смотрю на своего отца.

— Пей, — он протягивает мне кружку с горячим чаем. В

ноздри настырно лезет аромат бергамота.

Морщусь, отворачиваясь в сторону и поправляя плед.

— Уйди нахуй отсюда, — отстукиваю зубами, стараясь не дрожать всем телом.

— Уйду, — отрезает спокойно он и толкает по столу ко мне планшет. — Как только услышу, кто она.

Непонимающе смотрю на отца.

Какая еще, блядь, она?

Опускаю взгляд на экран и мгновенно к нему прикипаю. А там эпик: я весь такой из себя герой валяюсь на асфальте, прижимая к себе чокнутую Ведьму. Вокруг толпень. Ракурс не самый удачный. Но пафосно до усрачки.

— Откуда это у тебя? — Пальцем двигаю ползунок видоса, прокручивая момент спасения бедовой Зайцевой.

Сглатываю неприятный комок в горле.

Странно, что до меня только сейчас окончательно дошло, что проклятой Ведьме в тот день чертовски повезло.

Секунды. Гребанные секунды, и ее могло бы переломать всю…

— Эта девушка на видео. Ты знаешь ее? — раздраженно повторяет отец.

— Неужто ты все это еще вчера не выяснил? — выталкиваю из охрипшего горла и перевожу упрямый взгляд на отца. — У тебя штат соглядатаев и еще столько же на побегушках.

По глазам вижу, что все-то он знает, а значит, все эти расспросы неспроста.

— Говори прямо, чего нужно? — цежу сквозь зубы.

Отец мгновенно подбирается, а в глазах загорается фанатичный огонек.

— Твое геройство… — Он тычет пальцем в экран планшета. — …подняло мой рейтинг на семь пунктов. Семь, понимаешь?!

От энтузиазма в его голосе меня аж подташнивает.

— Нет, — произношу максимально твердо.

— Я еще ничего тебе не сказал… — отец хмурит брови.

— Все равно нет. — Складываю руки на груди, пытаясь унять тремор. — На все твои будущие предложения я говорю нет.

Пауза после этого наступает прямо-таки театральная.

Я буквально кожей чувствую, как батя перегревается и вот-вот рванет. Но после его шлюхи Танечки мне поебать абсолютно на все.

— Ты хоть понимаешь, что своими капризами играешь на стороне моих конкурентов?! — рявкает отец.

Пожимаю плечом.

— Мне похуй…

— Ах, похуй тебе?! — орет, брызгая слюной. — Вот как ты заговорил!

Он обводит рукой пространство:

— Все это куплено на мои деньги. Квартира, тачка… Даже продукты в этом ебаном холодильнике. Ты жрешь, срешь и трахаешься на мои деньги! И тебе похуй?!

— Дышу-то хоть бесплатно, бать? — со злостью отбиваю и стискиваю челюсти.

Мы сражаемся в поединке взглядов, не желая вступать друг другу.

— Неблагодарный гаденыш, — выдает отец. — Ключи от машины на стол. Ее завтра заберет Виктор.

Молча шлепаю в холл и сгребаю все с тумбы. Ключи со звоном летят на стол, туда же отправляю все карты в лопатнике и наличку.

Внутри кипит расплавленный металл.

— Что-то еще? — бросаю, впиваясь взглядом в его лицо. — Продукты в пакет сложить? Или завтра вместе с толчком заберешь?

Все тело натурально трясет, но уже не от холода. Меня, сука, так бомбит, что до распада личности считанные секунды. В груди чертов ядерный реактор.

— Квартиру освободишь к завтрашнему полудню.

Невольно вырывается смешок.

Выселение. Как в ебанном отеле.

— Фамилию сменить? — плююсь ядом из последних сил. — Вдруг еще чем замараю?..

— Не торопись, — роняет задумчиво отец. — Уверен, ты еще передумаешь…

— Нет.

Сжимаю кулаки, глядя, как он покидает мою — ах, да, блядь, его! — квартиру.

Ледяная ярость выжигает во мне все предохранители. Хочется разъебать здесь каждый сантиметр поверхности.

А собственно, чего я стесняюсь? Все же включено!

Врубаю на всю катушку альтернативу и достаю биту.

— Ну что, наведем красоту?

20. Вера. Тысяча роз

— Ах-ре-не-ть! — с восторгом выдает Ксюшка, дочка тети Маши.

— Это еще что за выражение, — бабушка привычно грозит ей пальцем.

— Простите, Олимпиада Львовна, — Ксюха покаянно опускает голову, но снова не удерживается: — Ну чума же!

Ага.

Я так-то тоже в ахуе. Стою и разглядываю ужас, который десять минут назад мне приперли два курьера. Огромный букет кроваво-красных роз занимает половину моей крохотной комнаты.

— Это твой челик тебе задарил?— Ксюха тараторит как из пулемета.

Когда это безобразие сюда вносили, она как раз возвращала мне одолженный шмот. Ну и теперь скачет вокруг этого венка и сыплет репликами, типа «ого» и «вау», раздражая бабулю.

— Во прикол! Я такие только у телок в нельзяграме видела. — Присвистывает она. Морщусь от этого звука. — Это ж сколько оно стоит?!

Дохуя.

Нервно мну пальцами карточку с одним единственным словом «Вера» и прямо-таки жажду высказать белобрысому

гаду, где я видала его щедрость.

Выкинуть столько бабла на бесполезный веник.

— Девятьсот девяносто девять! — торжественно объявляет Ксюха, закончив считать.

Ба, подслеповато щурясь, подходит к букету поближе и беззвучно шлепает губами. Математики даже на пенсии — такие математики.

— Двойка тебе, Ксения, — резюмирует она. — Одной не досчиталась. Тысяча.

— Как покойнику, — с истеричным смешком вырывается у меня.

Вдогонку просится связка непечатного мата, но я прикусываю щеку изнутри.

С бабули потом станется присесть мне на уши с нотациями. И ей-то точно глубоко по гладиолусу, что я не слышу.

Ксюха беззаботно машет рукой:

— Да и пофиг! Оп! — Вытаскивает одну за стебель. — Вот и все. Зырьте, даже шипов нет!

Очень. Очень жаль! Потому что я дико желаю засунуть этот веник белобрысому мажору прямо в его золотую задницу. Можно оптом, можно в розницу. Главное, что с шипами он бы это прочувствовал на всю тысячу.

— Это тот парень, что сюда приходил? — Ксюха деловито делает селфи с букетом.

— Интересно, когда это у тебя парень появился? — бабуля стреляет в меня взглядом поверх очков и неодобрительно

поджимает подбородок.

— Никто у меня не появился! — раздраженно дергаю плечом. — Это просто знакомый из центра, подвез после работы, и все.

— Ну-ну, — бабуля это произносит с таким видом, что я чувствую себя лгуньей.

Но это ведь правда. Опарыш мне даже не друг!

— А цветы эти… — произношу задумчиво, прикусывая заусенец. — Скорее всего ошиблись адресом.

— Гонишь, что ли? — На мордашке Ксюши проступает удивление. — Я сама слышала, как тот дядька назвал тебя по имени. Или у нас еще есть какие-то Веры Зайцевы?

— Я же просила не выражаться! В мое время парни дарили конфеты и билеты в театр… — Ба садится на своего любимого конька и начинает бухтеть. — А сейчас вон, венки дарят.

— Ну красиво же, Олимпиада Львовна, — вздыхает Ксюха, утомившись делать стопятьсот фото.

— И чего? — Ба недовольно кивает на цветы. — Будто ими сыт будешь… лучше бы продуктовую корзину прислал.

Ага. Так и вижу, как опарыш тащит мне пакет еды.

— Что делать-то с ними будешь, Верунь?

Пожимаю плечами. Раз нет шансов прямо сейчас засунуть их в задницу бабуину, остается только пялиться до усрачки и не помереть от счастья.

— А можно я себе заберу хотя бы штучек пятнадцать?

— Ксюха молитвенно складывает ладошки. — Ну пожа-а-алуйста!

— Одной тебе хватит. — Ба что-то прикидывает в уме и продолжает: — Верунь, беги в уборную за ведром. Да, и воды сразу набери!

Когда я возвращаюсь в комнату, Ба и Ксюха уже дербанят мой букет, о чем-то споря.

— Я говорю, лучше у метро, — бубнит Ксюха.

— Чепуха, — отмахивается Ба. — Кто их там возьмет, да еще и в будни? Нет, нужно поближе…

Под шумок собираюсь и сбегаю от этих доморощенных барыг в центр.

А куда еще? Работы-то больше нет!

Пока шлепаю по дороге от остановки, замечаю, как мимо проплывает дорогущий автомобиль и останавливается почти у самых ворот Тишины.

Морщусь — в последнее время у меня аллергия на роскошь, аж пятки зудят.

Из катафалка за много мультов вылезает дама представительного вида — от мысков остроносых туфель до подведенного алой помадой рта. Окинув меня цепким взглядом, она замирает рядом с тачкой.

И по мере моего приближения, до меня медленно, но верно доходит — что эта мамзель явно дожидается меня.

— Вера, здравствуйте! — начинает она, стоит мне поравняться с ней.

На ее холеном лице читается такой энтузиазм, что мне моментально становится плохо.

По своему печальному опыту скажу, что доверять людям с такими лицами — последнее дело. Наебут, и не заметишь.

— Здравствуйте, — произношу нейтрально и собираюсь пройти мимо, но дамочка будто невзначай заступает мне дорогу.

— Прошу, уделите мне пару минут.

Хочется съязвить про консультантов в магазине — те тоже навязчивые, как клещи по весне.

— Мы разве знакомы? — Поднимаю вопросительно бровь и со вздохом снимаю с головы наушники.

— Меня зовут Татьяна. Я представляю интересы Сафонова Алексея Михайловича…

— А-а-а, так с этого и стоило начинать, — облегченно перебиваю. — Вы же по делам фонда? Вам нужно к Валерии Дмитриевне, она всем занимается. Я только волонтер…

Но Татьяна огорошивает меня:

— Я к вам, Вера, по личному вопросу.

— Ко мне? — Недоуменно смотрю на эту женщину.

— Давайте продолжим наш разговор в машине.

Зачем-то оглядываюсь по сторонам. Не нравится мне все это.

— Я вас не съем, Вера, — улыбается одними губами Татьяна, с легкостью раскусив меня.

— На случай, если вы решили похитить мою тушку и

сдать на органы, — сообщаю, вытаскивая из кармашка рюкзака связку. — Я ношу с собой перцовый баллончик и шокер.

— Кто же об этом сообщает заранее, Вера? — хмыкает она и распахивает дверь. — Прошу.

— О чем вы хотели поговорить? — спрашиваю, как только Татьяна усаживается рядом.

Но она не торопится отвечать. Маринует меня, элегантно попивая воду через трубочку.

— Вера, — наконец произносит она. — Как вы относитесь к тому, чтобы стать частью команды в предвыборной кампании?

— Никак. — Равнодушно пожимаю плечами, теряя интерес к этой беседе.

Я правда далека от политики и всех этих подковерных игр.

— Сейчас молодежь очень активно вовлекается в такие процессы, — продолжает гнуть свое Татьяна.

— Рада за них, — киваю и тянусь к ручке. — Ну, раз это все, то я…

— Вера, подождите! Мы можем помочь друг другу.

Меня это начинает напрягать. У этой бабцы настырности, как у нашего соседа-алкаша Коляна, когда трубы горят, а до получки еще два понедельника.

Мда?

Я просто вкладываю в свой взгляд весь имеющийся скепсис.

— А если я скажу, что через неделю вы будете слышать?

21. Вера. Твари

Полный аут.

В прохладном салоне мне мгновенно становится жарко, а через секунду неприятное, липкое чувство гадливости бежит от затылка вниз по позвоночнику. Во рту мгновенно пересыхает.

— Об этом не написано у меня на лбу, — выдавливаю я, слова выходят рвано, с паузами. Руки сами складываются на груди в защитный замок. Мне не нравится, когда незнакомые люди пытаются препарировать мою жизнь на куски.

— Конечно, нет. Но мы внимательно изучили историю вашего недуга… — Татьяна лучится довольством, будто лично поставила мне диагноз. — … и готовы вам помочь.

Пораженно качаю головой:

— И часто такое практикуете?

Интуиция буквально вопит на сверхчастотах, что эта холеная выдра не по доброте душевной собралась спасать глухую сиротку.

— Ваш случай особый, Вера… — ободренная моей реакцией Татьяна придвигается чуть ближе.

Это она зря. Я нервная. Могу и цапнуть.

— Но времени мало, вы же понимаете, что с вашим заболеванием оно утекает как песок сквозь пальцы.

Как красиво чешет!

— Прогрессирующая нейросенсорная тугоухость… — Притворная грусть на лице Танечки бесит. А еще ее цепкий взгляд, которым она отслеживает мою реакцию.

— Еще немного, и шанс будет упущен навсегда. А реабилитация… ой, какие там суммы.

Говоря простым языком, Танечка и Ко не просто залезли ко мне в шкаф с секретиками, они еще и знатно там покопались в моем грязном белье. И даже проверили мою финансовую состоятельность.

Заебись.

— И что от меня требуется? — звук моего голоса в голове плоский, такой равнодушный. Внутри же закипает адская смесь — унижение, ярость и прямо-таки дикое желание взять эту самоуверенную стерву за патлы и приложить рожей об пластик.

— Оу, сущий пустяк! — радостно взмахивает холеной ручкой Татьяна. Каратник на пальце ловит солнечный луч и режет глаза. — Мы бы хотели снять с вами несколько тематических роликов, возможно, одно интервью. Кто вы, что вы… Поделитесь с аудиторией своей историей. Искренне, без этого лишнего пафоса и фальши. — Она на секунду прерывается, пристально смотря на меня. И только поэтому я замечаю хищную искру в ее глазах. — Ну и, конечно, добавим чуть-чуть подробностей о вашем чудесном спасении. Подумать только, что могло произойти, не окажись рядом такой храбрый парень…

В башке тут же неприятно щелкает.

Все. Она может дальше не распеваться, я ее больше не слушаю.

Внутри вскипает что-то едкое, во рту становится кисло.

Неужели так все просто?

Взяли глухую нищую дуру из «народа». Подстроили аварию. Подлечили даже, чтобы от счастья не скопытилась раньше времени. А теперь будут таскать с собой как живую игрушку. Кукловоды ебучие.

И этот… мерзкий, тупорогий олень, оказывается, с ними в одной упряжке.

Ненавижу!

На мгновение я снова чувствую себя беспомощной и жалкой девчонкой, которой устраивали «темную» в интернате. Тогда некому было мне помочь. Но я выросла и отрастила когти и зубы.

Поэтому сейчас я медленно растягиваю губы в самой ядовитой улыбке.

— Пошла ты на хуй, — произношу четко, наслаждаясь, как спесь мгновенно стекает с ее лица.

Тишина воцаряется такая, что, клянусь, я слышу звон.

— Зря, Вера, я хотела помочь.

— Себе помоги, я не нуждаюсь.

Дергаю ручку и вываливаюсь в душный июльский день. От души поддаю ногой по двери. Хлопок выходит, что надо, и я надеюсь, что у этой стервы лопнут барабанные перепонки.

Твари.

Меня распирает от злости, пока я почти бегу ко входу, впечатывая каждый шаг в асфальт.

Какие же они все-таки сволочи! Прикрывают шантаж благодеянием.

Ах, мы поможем несчастной девочке! Вернем ей слух… только перед этим качественно «попользуем» во благо честных выборов.

Низко, очень низко, Алексей Михайлович. И сыночек ваш из той же породы — блядоватых и лживых кобелей.

Стискиваю зубы, мечтая дать этому штопанному гандону под зад. Понятно теперь, зачем он мне цветы приволок…

Перед самым входом оборачиваюсь.

Черный катафалк хитровыебанной Танечки все еще там. Наверняка бедняжка никак не может выстроить маршрут на хуй.

Остаток дня проходит в тумане. Руки делают свою работу — убирают, моют, таскают, а голова гудит как трансформаторная будка, переваривая случившееся.

Как таких людей вообще земля носит?

С МамЛерой я едва не сталкиваюсь у выхода.

— Ой, Верочка, ты-то мне и нужна! — Она расплывается в извиняющейся улыбке и суетливо поправляет очки. — Солнце мое, загляни, пожалуйста, ко мне в кабинет. Опаздываю в Минздрав, и как назло забыла флешку на столе!..

— Конечно! — Киваю и подхватываю связку ключей. —

Я мигом.

Пулей несусь в кабинет. На аккуратно прибранном столе вижу флешку. Хватаю ее и неловко задеваю толстую черную папку, лежащую с краю.

С глухим шлепком она падает на пол, и, как по волшебству раскрывается.

Черт.

Поспешно поднимаю ее и машинально пробегаюсь глазами по тексту. Взгляд цепляет эмблема зеленого креста и крупные литеры МедИнтер в шапке документа. Наверняка очередное коммерческое предложение. Нам их рассылают пачками.

Навожу на столе порядок и лечу обратно к МамЛере.

— Спасибо, дорогая! Выручила! — Она сжимает в кулаке флешку и вдруг обеспокоенно вглядывается в меня. — Все в порядке, Вер? Ты какая-то замученная.

— Просто день такой, — отмахиваюсь, ограничившись нейтральной фразой.

— Отдохни завтра.

— Ага.

Вечером совершенно вымотанная плетусь домой. В общем коридоре на меня наскакивает Ксюха.

— Верка, я тебя уже заждалась! — Она едва не подпрыгивает от нетерпения. — Тебе там такое принесли!.. Но Олимпиада Львовна запретила без тебя открывать…

— Открывать? — тупо переспрашиваю, поворачивая

ключ в замке.

И замираю.

На полу, прямо у порога, стоит огромная корзина с вычурным атласным бантом. Забитая до верха яркими, глянцевыми коробками конфет.

На секунду я теряю дар речи, а потом поворачиваюсь к перемещающейся у порога Ксюхе:

— Бери любые, — каркаю и сама впихиваю ей в руки первую попавшуюся коробочку.

А потом захлопываю дверь прямо перед ее носом.

От ярости хочется орать и топать ногами. Желательно прям по этим гребанным конфетам.

Руки трясутся, когда я достаю из кармана телефон. Аккаунт этой благородной плесени находится с первого раза.

Тапнув на противную рожу, захожу к нему в профиль.

— Благодарность, наверное, ждешь, сукин ты сын?! — рычу, стуча пальцами по виртуальной клавиатуре. — Сейчас я как следует тебя отспасиблю.

Мое сообщение уходит адресату. Сердце барабанит в груди отбойным молотком, сбивая дыхание.

Ублюдок в сети.

Прикусываю губу, вцепившись в телефон.

А потом этот гандон что-то начинает печатать…

22. Тим. Психичка

— Нахрена мы эту муть смотрим? — Небрежно машу бутылкой пива в сторону экрана, где по лесу скачут синие гуманоиды. — Включи уже Формулу… ну или порево задорное.

— Езжай к себе и смотри его до усрачки, — бормочет Лекс, не отрываясь от плазмы. — А, точно! Ты же теперь пердишь в мой диван.

Ага, и ломаю всю малину Лексу.

Хасан с Панчем тут же подключаются и дрочат меня.

— Сафоня — бомжара! — Сева шлепает меня по плечу. — Приходи, горемыка, ко мне в зал. Матов тебе настелю, будешь как принцесса спать. Горошины свои там раскинешь…

Хасан отбито ржет, расплескивая пиво на ковер.

— Бес, ты видел, во что он превратил свою хату! Там же места живого не осталось!..

— Э, харош свинячить! — Лекс раздраженно цокает. — Кам, ты че, блядь, опять нажрался?! Да сколько можно…

— Скока нужно, — еле ворочая языком, отвечает Хасан.

— Трахнул бы уже свою ебанутую Жу… — начинаю, но Сева ощутимо пихает меня кулаком в бок.

У Хасана взгляд на секунду стекленеет, а потом он снова начинает свою песню:

— Сафоня на подсосе.

— Да затухни! — раздражаюсь и рявкаю на него. — И так, блядь, башка болит.

Ага, последствия вчерашнего обжиралова. Плечо тянет и ноет — это уже привет от биты.

— Ну и согласился бы рожей посветить в телеке, от тебя не убудет, — Кам пьяно скалится во все тридцать два. — Папашка сразу сыночке денег в зубы даст. А-а-а спорим, что ты уже через пару дней будешь просить микрофончик поправить и синяки замазать?

Отбиваю его протянутую ладонь.

— Отъебись, я тебе не клоун.

— Ага, ты, блядь, панда!

Хасан с Севой заливаются диким ржачем.

— Бес, гоу? Поставишь на Тимошку-гандошку? — Камиль все не унимается.

— Нет, — обрубает Лекс. Я замечаю, как напрягается его спина.

— Кам, стопе, — тихо говорю другу.

— Да ладно тебе, Бесявый. Давай, как в старые добрые… — Хасан напрочь игнорирует все ред флаги.

— Я больше не спорю. И тебе не советую, — в голосе Лекса звучит неприкрытая угроза.

Опасливо переглядываюсь с Севой. Панченко тоже напряженно следит за перепалкой. Из нас четверых он единственный трезвый фитоняш.

Бессонов поднимается с дивана и, прихватив сигареты,

двигает на балкон.

— Я, что ли, на твою Снежину спорил?! — кричит ему в спину Хасан и, пошатываясь, встает с кресла. — Или, может, она из-за меня пострадала? А-а-а, дру…

В следующее мгновение Лекс налетает на него.

— Че ты, блядь, сказал?! — орет, локтем вжимая его в стену. — Повтори, сука!..

С Панчем срываемся и разводим пацанов в разные стороны.

— Эй, ребят, харош!

— Лекс, полегче, ну!..

Удерживаю вырывающегося Беса.

— А, по-твоему, это из-за меня Снежина в больничке провалялась? — хрипит Хасан, держась за горло.

Бля-я-я. Ну, Кам, ну нахуя ты сейчас это говоришь?

— Бро, не кипятись! — Не даю Лексу снова броситься на Хасана.

Панченко оперативно уводит Кама на балкон.

— Ну сам же видишь, он в дрова, — стараюсь говорить спокойно, следя за выражением лица Лекса.

— Ща продышится маткой и в норму придет.

— Мне похуй, пусть просто к ней не лезет, — с напряжением выталкивает Лекс.

— Да не кипишуй ты так! Никто не хотел твою Столицу задеть.

Парни возвращаются через пару минут.

— Сорян, был неправ. Змий зеленый попутал чутка. — Кам тянет кулак Лексу. — Без обид?

Тот отбивает панч:

— Принято.

Фух. Мир.

— Пойду отвезу его домой, пока еще какой хуйни не нагородил, — Панченко кивает нам на прощание и уводит шатающегося Кама на выход.

— Чего ты так завелся? — не выдерживаю первым.

— Ибо, — пространно отзывается Лекс и возвращается к просмотру кино.

Пару минут я тупо пялюсь в экран. От обилия красок рябит в глазах.

— Я не пойму, у вас ролевые игры, что ли?

Лекс стреляет в меня предупреждающим взглядом, но все же отвечает:

— Ролевые игры у тебя вчера были. А у нас квиз.

— Чего, блять? — вылупаюсь на него во все глаза.

— Квиз. По вселенной На́ви, — кивком подбородка указывает на синерожего в кадре.

— Ты гонишь?!

— А похоже? — Лекс криво ухмыляется. — Кара хочет выиграть…

А! Ну тогда понятно. Раз королева хочет…

— А чо хоть за приз?

— Без понятия, — небрежно пожимает плечами Лекс.

— И чо? Вы типа как два додика будете сидеть и отгадывать вопросы викторины? — угараю над ним.

— Вдвоем? — Он поднимает удивленно брови. — С нами идет целый баб-батальон. Яра, мелкая сестра Кары, Полька… — Лекс на секунду делает паузу, улыбаясь шкодливо. — Ну и Вера.

— Эта психованная?! Она ж глухая! — вырывается у меня.

Лекс как-то странно смотрит в ответ.

— И?

— Да не, ничо, — сдуваюсь сразу. — Удивился просто, что эта ведьма куда-то ходит.

Что эта ведьма может с кем-то нормально общаться… если хочет.

Невольно чувствую волну ревности, поднимающуюся откуда-то из центра живота.

Выходит, с другими богатенькими мажорами ты не строишь из себя бешеного енота.

Сучка такая.

— Как у тебя, кстати, с ней?

— Как, как? — ворчу, а потом бросаю взгляд на экран. — Вон как у того несчастного мужика с его икраном. Это исчадие ада постоянно хочет меня убить...

— Значит, она тебя выбрала! — Лекс со смешком подъебает меня.

— Ага, блядь. — Раздраженно тру затылок.

Выбрала.

Ведьма проклятая. Приворот ты, что ли, сделала? Вроде и не вижу твою вредную мордашку, а мысли один хрен к тебе сворачивают.

В этот момент на телефон падает уведа.

«Опарыш, ты там совсем ебу дал?»

Пробегаюсь глазами по тексту.

Секунда уходит на осмысление, кто так может выражаться, и вот уже губы сами собой расползаются в дебильной улыбке, а мотор задорно тарахтит в груди.

А вот и ты, Ведьма. Стоило лишь о тебе подумать.

Проваливаюсь в подушки поудобнее.

Ну давай, психичка, пообщаемся.

23. Тим. Ведьма, нам пи…

«Если это твоя кривая попытка сказать мне «я соскучилась»— попробуй еще разочек, Ведьма. И на этот раз будь вежлива», — быстро набираю текст и отправляю.

Ответ прилетает молниеносно.

«Я еще не настолько ебнулась, чтобы скучать по твоей надменной роже!»

Ну и кусачая же ты зараза!

Ведьминский яд буквально сочится из каждой буквы.

Фыркнув, ловлю заинтересованный взгляд Лекса.

— Сражаюсь с икраном, — криво ухмыляюсь.

— Главное, цахейлу тут мне не устрой, диван новый. — Лекс вырубает телек и сваливает к себе.

Я возвращаюсь к переписке и отбиваю ответ:

«Нежнее, Ведьма, а то приеду и накажу. И тебе понравится».

А уж как моему другану понравится. Член при мысли о наказанной Ведьме тут же болезненно натягивает ширинку.

Ерзаю в подушках, ожидая очередной быдло-высер этой радиоактивной Радуги.

«*Приношу свои глубочайшие ИЗыдиВжопуИНЕНИЯ. Уверена, ты очень сильно занят — созерцание собственного невъебенного лика и пересчет папиных миллионов отбирают столько сил…*» — Зайцева проходится бульдозером

по моей самооценке.

Мой ответ улетает в секунду:

«Не переживай, миллионы уже посчитаны, лик все так же прекрасен».

Точки бегают по экрану — Ведьма что-то там строчит, и я нетерпеливо выстукиваю пяткой ритм.

Пишет, стирает. Пишет, стирает.

Не иначе поэму целую сейчас пришлет.

Наконец прилетает уведа. Я предвкушаю вынос мозга, но с каждым словом только сильнее охуеваю.

«Знаешь, Сафонов, я думала, что ты просто избалованный мудак. Но ты оказался еще хуже.

Ты мерзкий, лживый слизень.

Авария, эти игры в благородного спасителя, клиника твоей бабки — я, дура, чуть не повелась на все это.

Решил, что можно взять инвалидку, нассать ей в уши, а она и рада?»

Вклиниваюсь в ее грозный спич:

«Ведьма, у тебя там в голове все гайки не по резьбе пошли? Я что, по-твоему, боженька? Вышел за тобой, психичкой, из рестика, увидел, как ты бодро шагаешь под колеса, и такой: «О, заебато я сейчас стану героем? Так, что ли?»

Ну ри-и-ил! Она гонит, что ли?

«Не прикидывайся идиотом! Твой гребанный папаша-политикан уже присылал ко мне свою говорящую куклу. Та-

нечку».

Мое лицо удивленно вытягивается, а улыбка слезает с губ, когда я пробегаюсь глазами по сообщению.

«Какую Танечку?» — пишу на автомате.

Мотор вдруг начинает троить и вдоль позвоночника прокатывается волна жара от резко подскочившего адреналина.

Блять. Нет. Ну нет!

Свернув диалог с этой буйнопомешанной, набираю отца. Он берет почти сразу.

— Слушаю, — раздается в динамике. Голос бодрый, будто время не приближается к часу ночи.

— Это я тебя слушаю! — рявкаю и подскакиваю с места. — Я же тебе сказал, что не буду участвовать в твоем фарсе!..

— Тон смени, — отец равнодушно осекает мою истерику.

Меня едва не подбрасывает от этого. Сжимаю корпус смартфона и выпаливаю, пока отец не положил трубку:

— Чо ты ей наплел?

— Сделал весьма выгодное коммерческое предложение, — отзывается спокойно и даже не уточняет, о ком я.

Блять. Блять! Блять!!!

С силой провожу рукой по затылку.

— Не лезь к ней, ясно? — как могу стараюсь донести до отца свою мысль. — Она здесь вообще никаким боком.

— Уже поздно, — говорит так, что нихуя не понять — он про время суток или про Ведьму. — Если у тебя все, то остальные вопросы перенесем на рабочее время.

Отец рассоединяется первым, а я в полном ахуе падаю на диван.

Блять, нутром чую, что он что-то задумал.

Открываю диалог с Ведьмой и едва не присвистываю от удивления.

— Ебать ты настрочила!

Ведьма*: «Еще скажи, что ты ее знаешь, и что это не твоя идея! Мажор спас глухую бедную сиротку!»*

Ведьма*: «Оперичку тоже мне организуете?»*

Ведьма: *«Боже, какие вы все мерзкие!»*

Ведьма: *«Что замолк, Опарыш? Правда в глаз попала?»*

Ведьма: *«Ненавижу тебя!»*

Ведьма: *«Чтоб тебя медведь сожрал, высрал, а потом наблевал сверху. И чтобы тебя даже плесень трогать брезговала, потому что ты самое дерьмовое дерьмище!»*

Ведьма: *«И, кстати, можешь передать вашей карманной крысе, чтоб шла на хуй бодрее!»*

Ведьма: *«Хотя нет. Возьмитесь дружно за руки и пиздуйте туда все вместе!»*

Ведьма: *«И если ты еще хоть раз посмеешь мне прислать свои сраные подачки, я затолкаю их тебе во все физиологические отверстия!»*

Подачки? Этой шизанутой? Ой, мля!

Бормочу себе под нос:

— Делать мне нехуй.

«Ведьма, прикрой свой фонтан красноречия. Я щас за-

хлебнусь», — пишу ей.*— «А в твоей отбитой голове только этот шлак генерируется? До тебя не доходило, что я вообще не при чем?»*

Точки бегают, потом пропадают. Снова появляются. Она что-то стирает, пишет заново. Наконец приходит:

«Пиздабол».

«Психичка», — не остаюсь в стороне.

В ответ Ведьма просто блочит мой аккаунт.

— Вот и поговорили, — выдыхаю и задумчиво кручу в руке телефон.

Хочется прямо сейчас сорваться к ней и надавать по жопе за все ее грязные словечки.

Но вместо этого я заваливаюсь спать, решив, что с этой ненормальный станется сегодня мне выцарапать глаза.

А утром я в немом шоке смотрю на экран смартфона.

На фотке опутанная капельницами Вера лежит на больничной койке с перебинтованной головой… а я сижу рядом и держу ее за руку. Мы улыбаемся как два идиота.

Две секунды на осознание. И мой новый смарт летит в стену.

— Сука, — выдыхаю с яростью, мечтая еще что-нибудь расколотить.

Лекс появляется, когда я, натянув джинсы, напяливаю смятую футболку.

— Спешишь куда-то… герой? — произносит с паузой.

— Блять! — из меня рвется мат вперемешку с проклятия-

ями. — Эта хуйня везде?

— Пока только в пабликах форсят. — Лекс дергает плечом. — Но, зная твоего отца… к вечеру от твоей рожи на федеральных каналах будет рябить в глазах.

Твою мать!

— Они тупо сгенерировали это! — пинаю кусок корпуса телефона. За грудиной бомбит водородными.

За что, блядь?!

— Неплохо вышло, кстати, — спокойно замечает Лекс.

— Кто в это поверит?

— Все?

А-а-ар-р-р.

— Дай ключи от тачки! — требовательно раскрывают ладонь, но Лекс качает головой.

— И куда ты поедешь?

— Сначала к бате, рожу подрихтую и передам пару ласковых пиарщикам. Потом к Ведьме…

— И что ты ей скажешь? — Он криво ухмыляется. — Прости, Вера, но нам пиздец?

— С чего вдруг? — упрямо смотрю на него.

— А с того, что твой батя на этом высере нейросети не остановится. Ты сам говорил, что после твоей выходки его рейтинг скакнул вверх. — Лекс через голосового помощника подрубает плазму и выходит на новостной портал, посвященный выборам.

Цифры и графики плывут перед глазами.

— И это только начало, Тим.

Из шума крови в ушах едва разбираю слова. Мой взгляд прикован к бегущей внизу экрана строке.

«Скандальный отпрыск Алексея Сафонова спас девушку от неминуемой гибели. Эксклюзивные кадры…»

Ведьма, нам пизда!

24. Вера. Примкни и возглавь

— Что делать будем, Ведьма?

Раздраженно смотрю на белобрысого Опарыша, но никак не реагирую на дурацкое прозвище.

За сегодняшнее утро спектр моих эмоций менялся с такой частотой, что аж тошно.

— Есть идеи? — продолжает допытываться этот придурок.

— Вот думаю, сколько мне дадут за убийство в состоянии аффекта… — ворчу и щелкаю по носу утку. Пластиковая хрень на приборке задорно трясет башкой, будто ее вштырило не по-детски.

Меня тоже нехило так вштырило. Особенно, когда мои соцсети подверглись ковровой бомбардировке лайками и комментариями тысяч людей.

А потом в каком-то паблике я наткнулась на занимательную фотку, и мой пукан подгорел так, что там до сих пор идет терраформирование.

— Не выйдет, Ведьма, — хмыкает белобрысый упырь, барабаня пальцами по рулю. — Надо было раньше все это проворачивать, сейчас общественность не поймет…

— Бесишь! — Сердито сжимаю кулаки, прожигая в его лбу дырень.

— Взаимно.

Гадский гад разминает шею, ведет широкими плечами и снова, вытянув голову вперед, пырится в лобовое.

— Она так и будет нас пасти? — двигаются его губы.

— Ты бы еще незаметней тачку выбрал, — цокаю языком, рассматривая капот кислотно-зеленого цвета. — Они у тебя как трусы-неделька? Каждый день новая…

Сафонов поворачивает ко мне свою мерзкую рожу.

— Не придирайся, Ведьма. Какую дали, такую и взял…

— Бедняжка! — сочувственно произношу и добавляю в голос трагизма. — Сердце кровью обливается, как подумаю, что ты на этой консервной банке ездишь. Поди еще и хер последний без соли доедаешь? Ой, сочувствуем тебе всей общагой! Куда копеечку перевести?

— Тебе напомнить, Ведьма, наш уговор в клинике, м? — тут же вскипает Пуп, гневно раздувая свои ноздри на породистой морде лица.

Гандон.

Молча показываю ему фак и отворачиваюсь. Но спустя пару секунд не выдерживаю и тоже выглядываю наружу.

Ксюха снова маячит на общем балконе. Якобы белье проверяет — просохло уже или как.

Ага-ага. Ставлю косарь, что еще до вечера она завалит меня расспросами а-ля «вы все-таки встречаетесь?» и «можно покататься на его тачке?»

Одни проблемы от тебя, мажорище.

— Нахрена вообще твой папаша это устроил? — бросаю

ему.

— Политика, ничего личного.

— Оу, ну это же многое объясняет! — Мой голос сочится ядом, а злость снова булькает внутри, разъедая кислотой желудок.

— Вот только в твое «непричастен» верится с трудом…

И тут Сафонов, резко развернувшись ко мне всем корпусом, взрывается:

— Мне станцевать надо, чтобы ты мне поверила? — На его лице впервые читаю неконтролируемое бешенство. — Думаешь, я этого, блядь, хотел?! Мыть сральники в этой вашей богадельне! Спать на чужом диване, как какой-то нищееб! Терпеть выходки моего папаши и его поехавшей подстилки! Че, это мой предел мечтаний?

Атмосфера в салоне резко накаляется, и мое сердце ухает куда-то вниз. Испуганно таращусь на бушующего мажора.

Он с размаху лупит по рулю, раздается противный звук клаксона, а я едва не подпрыгиваю на своем сиденье.

— Ехать в это ваше Хуево-Кукуево, чтобы теперь доказывать тебе, что я не верблюд!..

— Мог вообще меня не спасать! — запальчиво сообщаю ему из чувства протеста. — Пройти мимо…

— Так и надо было сделать! — рявкает в ответ. — На хуй я за тобой поперся!

— Действительно, — мои губы кривятся в злой усмешке. — Это же я во всем виновата.

Какое-то время мы непримиримо смотрим друг на друга. Сафонов первым отводит взгляд и оперативно эвакуируется наружу, от души ебнув дверью.

Наблюдаю, как он меряет шагами пятак парковки, а в башке курсирует упитанной крысой мыслишка: «Злая ты, Зайцева. Обидела кровиночку…»

Кровиночка как раз бросает в мою сторону горящий взгляд, что буквально вопит, как я его достала. В ответ мстительно прищуриваюсь.

Ага. Могу. Умею. Практикую.

— Полегчало? — с прохладцей интересуюсь, когда Гад падает на водительское место.

— Ведьма! — Пышет на меня злостью, сжимая так сильно руль, будто представляет под пальцами мою цыплячью шею. — Давай ты на секунду изобразишь нормальную и включишь голову?

Хмыкаю и поднимаю ладони в мирном жесте.

Ну допустим…

— Чем нам грозит такая инициативность твоего дражайшего родственника? — произношу и тут же морщусь от местоимения «нам».

Бр-р-р, какая мерзость! Я и Опарыш в одном предложении.

— Ну в самом деле, — продолжаю, — что дальше? Они изнасилуют нейросеть, и она высрется убойным контентом? — брякаю в шутку, но на лице белобрысого ублюдка не по-

является улыбка.

— Ты просто не знаешь моего отца, — с тяжким вздохом отзывается он.

— Ну есть же у него, в конце концов, тормоза?! — всплескиваю руками. — Это же просто грязно…

Прямой серьезный взгляд и честное:

— Это политика. В ней и не такая грязь творится. Представь, что завтра конкуренты очухаются и вбросят другие невероятные факты обо мне, о тебе… «Богатый отморозок толкнул под машину инвалида», — цитирует с кривой усмешкой. — Или так: «Сын-наркоман кандидата Сафонова подрался с дилершей и едва не погиб».

— Бред!

— Неа. Просто заказная желтуха. Там и не такое напишут.

Мотаю головой, не в силах поверить, что сама же наступила обеими ногами в жир.

— Ну а что тогда делать, а, умник? — запальчиво требую от этого генератора проблем.

— Не можешь победить? Примкни и возглавь, — после паузы спокойно сообщает он.

— В смысле? Я уже послала твоего папочку на хутор бабочек ловить, а теперь вернусь и буду плясать под его дудку?

Меня просто бомбит от этого. Все проблемы от богатых снобов!

— Вернуться, да. — Кивает Сафонов как ни в чем не бывало. — Но на своих условиях. Смекаешь, Ведьма, о чем я?

Задумываюсь ненадолго.

— Типа я играю за их команду, но по факту за себя?

Белобрысый прыщ довольно щелкает пальцами:

— Бинго!

— И какие твои условия? — вырывается у меня невольно вопрос.

— А у тебя?

— Я первая спросила!

— Окей.

Пуп на удивление покладист.

— Хочу вернуть обратно свою жизнь.

— Бухать в клубах и блядовать направо и налево нынче так называется? — притворно качаю головой. — А я и не знала.

— Фу, как грубо. Моя бабушка бы промыла тебе рот с содой и прочитала нотацию о вреде чрезмерного употребления алкоголя и промискуитета.

Фыркаю.

— Так что насчет тебя, Ведьма?

Сафонов смотрит внимательно и без подъеба.

— Секрет.

— Деньги для тебя слишком просто, — рассуждает он, потирая подбородок с дурацкой ямочкой. — Тебе ведь их предлагали?

—Неважно, — слезаю с темы. — Я в любом случае не продаюсь.

— Мне даже интересно, что ты задумала. Ладно, Ведьма, — хмыкает он и тянет мне раскрытую ладонь. — Заключим перемирие?

— Коалиция идейных врагов? Типа враг моего врага — мой друг?

— Можно и так назвать. Согласна закопать томагавк и на время притворится белой и пушистой Зайкой?

— Не смей меня так называть, — сердито грожу ему пальцем.

— Даже когда мы наедине?

Нет, ну вы посмотрите на этого Казанову?

— Тем более!

— Злая Зая, мне нравится, — мурлыкает он в моей голове.

— Загрызу!

— Давай свою лапу, хищница.

Вопреки всем моим ожиданиям рука у него горячая и сухая. Мы торжественно трясем ладони, заключая сделку.

— Черт с тобой, Сафонов! — ворчу. — Давай сыграем по своим правилам.

25. Тим. Слезы бывших

— Я это не надену! — доносится голос Ведьмы из-за неплотно прикрытой двери гримерной.

Заглядываю и вижу, как она брезгливо оглядывает рейл с бежево-белыми шмотками.

В зеркальном отражении ее мордашка приобретает упрямый и обиженный вид.

Зая недовольна. Будто ей не бренды принесли, а голышом предложили сниматься.

Хотя, я бы не отказался заценить ее сиськи, прикрытые дурацкой футболкой с очередной всратой надписью «вокруг nizdец, а я сияю».

Хмыкаю. У нее шкаф их генерирует, что ли?

Стилистки во главе с матерью-всея-пиар Татьяной — которую я иначе, как Танюхой, теперь не называю — взяли Ведьму в кольцо и зудят, словно чокнутые осы.

— Мы подобрали что-то очень… трогательное, — затирает ей стилист. Пастель. Натуральные ткани, летящий силуэт…

А голос, как сироп, еще немного — и жопа слипнется намертво.

Бля, вы все коллективно ослепли и не видите, что у Ведьмы на башке? Да она срать хотела на всю вашу цветовую палитру вместе взятую.

А та продолжает разливаться соловьем:

— Это подчеркнет твою хрупкость. А волосы мы затонируем под твой родной оттенок, чтобы…

— Нет.

— Что, значит, нет? — подключается Танюха.

— Нет, я не надену этот шмот. И нет. Я никому не позволю трогать мои волосы.

Орео.

Шах и мат, ебанесса! Мог бы — поставил на Ведьму. Так по красоте она тебя уделала! Имба.

Да, я с утра заряжен. А оно ради этих съемок, пиздец, какое раннее.

— Так. Вера, у меня время не резиновое, чтобы уговаривать тебя, как маленькую, — Танюха гнет свою линию, нависая над Ведьмой. — Вот это и… это.

Танюха отбирает с рейла пару вешалок и швыряет их на колени Ведьме.

— Живее!

Игнор. Давай, Зая, загрызи ее.

После разговора с матерью еще сильнее ненавижу эту стерву, что спит с батей.

Фу бля, лучше об этом лишний раз не думать, а то блевану прямо в кофе.

— Ты слышала, что я сказала?! — выходит из себя Танюха и резко осекается.

У нее забавно вытягивается лицо. Да даже у девок на лбах

написан полный ахуй.

Сказать такое глухой... Рукалицо просто.

— Слышала, конечно, — со смешком тихо отзывается Ведьма, картинно ковыряя пальцем в ухе и прожигая Таньку своими колдовскими глазищами…

— И больше пока не хочется.

Отбрив ее, Зайцева бросает на соседнее кресло шмотки… и просто закрывает глаза, ставя точку в разговоре.

Повисает напряженная пауза.

Со своего наблюдательного пункта вижу, что девки прифигели. А сам готов вредине Ведьме аплодировать стоя.

Ловко она их. И это я еще ни одного матерного слова от этой ходячей психички не слышал.

Рожа у Танюхи идет некрасивыми красными пятнами. Ага, до ее гиалуронового мозга наконец дошло, в какое дерьмо она макнулась.

Еще секунду она переваривает инфу, а потом с притворной усталостью в голосе обращается к стилистке:

— И с кем только не приходится работать.

При этом эта сука намеренно отворачивается от Ведьмы, прекрасно зная, что она не прочитает по губам.

— У этой дворняжки вкус, прости господи, развивался на помойке. Ладно, девочки. Сделаем из говна конфетку. Башку ей вымыть, причесать, и пусть себе сияет в своем… — она брезгливо закатывает глаза, — … арт-хаусе.

Раздается визгливый смех. Ведьма в этот момент сжима-

ется в кресле, будто ее ударили.

Ну нахуй! Мою Ведьму кошмарить могу только я.

Распахиваю дверь пошире и вхожу.

— Салют, — обращаюсь сразу ко всем.

Ведьма при моем появлении дергает уголком рта, но глаз так и не открывает. Я уже просек, что она, как летучая мышь, чувствует колебания вокруг или типа того.

Ставлю перед ней стаканчик с кофе и не удерживаюсь, провожу по кончику вздернутого носа.

Она тут же распахивает свои глазищи — в зелени просто океан возмущения.

Маленький рассерженный Бэтмен.

Ухмыляюсь.

— Твой кофе.

— Я не просила, — фыркает на меня, манерно поджимая губешки.

— Всегда пожалуйста.

Покочевряжившись, Ведьма цапает сиаканчик.

— Надеюсь, без сахара?

— Только мои слезы.

И немного соленой карамели.

Она делает глоток и довольно прижмуривается.

То-то же.

Пока Ведьма наслаждается латте, игноря трех кур, я обращаюсь к самой мерзкой из них:

— Татьяна, — вкрадчиво интересуюсь. — Скажи мне, у

тебя ведь нет никаких ментальных отклонений?

Вижу, как ее коробит от панибратского «ты».

— К чему этот вопрос, Тимофей?

Подхожу к ней ближе, вынуждая задрать голову.

— Ну раз ты не дура, — мой голос сочится ядом. — То всасывай информацию всей поверхностью мозга. Будешь так себя вести, будешь горько плакать ночью на кухне...

— Мальчик, ты ничего не перепутал? — цедит она сквозь зубы и складывает руки на груди.

— Это ты не усекла, Танечка, — понижаю голос до интимного шепота. — Думаешь, отхватила теплое местечко? Или, упаси боже, решила, что отец женится на какой-то сосалке?

Танюха дергается как под разрядом двести двадцать. Девки от моих слов обмениваются крысиными взглядами — да, мои хорошие, вам будет, что потом обсудить.

— Сегодня ты под ним, завтра — под жопу пинок получишь и в тираж выйдешь. У него вас, блядей — на целый товарняк хватит. А он у матери прощение на коленях вымолит и снова будет шелковый и послушный папка-семьянин. Что сейчас ну о-о-очень скрепно. Мать, кстати, завтра прилетает обратно…

Пиздеж, конечно. Но ей об этом знать не обязательно.

Молчит. Только жилка на виске бешено пульсирует, доказывая, что инфа активно потребляется и обрабатывается.

Я бью эту суку ее же оружием.

— Не спорю, я бедовый. Но пока единственный и горя-

чо любимый сын. И от меня так просто не избавиться. А уж твою жизнь я могу украсить так кучеряво, что долго не отмоешься. Всосала? Или мне повторить?

— В этом нет нужды, — выталкивает сквозь плотно сомкнутые губы.

Сотку ставлю — бомбит ее знатно.

— Тогда, будь добра, перестань себя вести как сука. — Кивком головы указываю на медитирующую над кофе Ведьму. — То, что она тебя не слышит, еще не значит, что можно над ней издеваться.

Блядь. Я почти слово в слово повторяю слова Веры… обо мне. И, черт, так гадко от этого внутри, будто дерьма наглотался.

— Если это тебя не убедит, то я готов дать парочку интересных интервью… вашим конкурентам. У меня много для них занимательных историй… например, о тебе и бате.

Крылья Танюхиного носа дрожат, а красные губы вытягиваются в тонкую полосу. Она не ожидала, что я вступлюсь за какую-то отброску.

— Я тебя поняла, Тимофей, — выталкивает она.

— Кстати, передай папаше, что цветы и конфеты полное говно, такие только эскортниц впечатлять.

Делаю шаг к Ведьме, чтобы оказаться в зоне видимости и подсмотренным в центре движением касаюсь ее руки, привлекая внимание.

— Че за кипиш?

Ведьма стреляет глазами в сторону рейла и закатывает их.

— Если им нужна тюнингованная кукла, то это не по адресу, — ершится.

— Никто не будет тебя апгрейдить. — Поворачиваю голову к Танюхе. — В конце концов, вы ролик о простой девчонке снимаете или чо?

— Да, но… — снова начинает спорить Танюха.

— Ну и все, — обрубаю ее попытки возразить.

Да. Мне глубоко похуй, как себя при этом чувствует Танюха.

Еще секунду батина сосалка смотрит на меня с таким отвращением во взгляде, что можно ебу дать. А потом выходит, хлопая напоследок дверью.

— Спасибо, — бормочет Ведьма. Выглядит при этом так, будто я тут волыну всем показывал. До хуя удивленной, в общем.

— Не за что, — бросаю я и падаю в соседнее кресло, предварительно запульнув тряпку на рейл. — Ненавижу бежевый.

Ведьма тихо хмыкает, делая глоток из стаканчика.

— Как кофе?

— Слишком сладкий, — отзывается она со смешком. — В следующий раз плачь усерднее… или добавь слезы бывших.

Подъеб засчитан.

26. Тим. Один друг

Едем на локацию для промо-роликов.

Вера сидит на пассажирском, задумчиво уставившись в окно. В салоне каршеринга так ярко пахнет дождем и ванилью, что я начинаю подозревать у себя шизофрению. Потому что циклиться на запахе — точно не моя тема.

А тут, бля, как перемкнуло.

Бросаю взгляд на источник моих глюков.

— Ты щас дырку во мне протрешь, — тут же фырчит она и поворачивается ко мне. — Чо надо?

— Поразительно, но, оказывается, ты умеешь быть милой.

— А ты способен не пихать свой язык в чужой рот. — Она показательно изображает рвотный позыв. — И — о, боже! — даже ширинка застегнута.

С милой я поторопился.

— А так хотелось тогда заглянуть ко мне на огонек? — дразню эту припадочную, припоминая наше знакомство в мужском туалете.

Ведьма со смешком закатывает глаза.

— Конечно-о-о! Только и мечтаю, как обслужить ртом золотого мальчика.

— Воу-воу! — Я даже притормаживаю. — С этого места поподробней, Ведьма!

— Отстань, придурок!

Вера сердито поджимает губешки и закрывает глаза. Ага, жирный намек на то, что я ее достал.

Впервые я могу открыто ее рассмотреть. У нее веснушки на курносом носу и щеках. А еще нижняя губа пухлее верхней, и от этого Ведьма похожа на капризную кошку… с придурковатым раскрасом.

Ловлю одну цветную прядь и легонько дергаю. Ведьма тут же шипит рассерженно:

— Какого хера тянешь ко мне свои грабли?

Ни за что не признаюсь, но злить Ведьму мне нравится больше всего.

— Интересно просто… — давлю лыбу. — На тебя напала бешеная радуга или ты просто не смогла отбиться от стаи маляров?

Секунду она просто сверлит меня своим фирменным взглядом злюки, а потом не выдерживает и начинает смеяться.

Лыблюсь. Оказывается, у нее заразительный и очень приятный смех.

— На себя посмотри, блондя, — со смешком произносит Ведьма, вытирая кончиками пальцев слезы в уголках глаз.

— Ну серьезно, как тебя так перекоротило?

— Завидуй молча!

И снова колючки. Не девка, а дикобраз.

Пу-пу-пу.

Ведьма погружается в переписку, я, как и велено моей гос-

пожой, молчу и завидую.

На перекрестке она вдруг резко поворачивает ко мне голову:

— Эм, ты можешь сейчас меня отвезти вот по этому адресу?

Тычет пальцем экран, сама похожа на встревоженного воробья. Случилось чего?

— Что-то срочное?

— Можешь или нет?!

Без лишних слов сворачиваю с маршрута. Через минуту в салоне раздается визгливый голос Танюхи:

— Тимофей! Что за выкрутасы? — вопит на меня изо всех динамиков.

Поглядываю на взволнованную Ведьму.

— Сорян, планы поменялись.

— Что?! Как это поменялись? — гневно. — А нам что прикажешь делать?!

На хуй идите стройными рядами.

— Пересмотреть локацию для съемок, — отвечаю и вырубаю гарнитуру.

Я смотрю на Ведьму. В ее глазах — дикая смесь благодарности и вызова.

Куда ты так спешишь, м?

Через двадцать минут паркуемся у невзрачного здания с вывеской «Хвостатый друг».

Ведьма торопливо пытается отщелкнуть ремень безопас-

ности. Выходит у нее так себе. Закусив губу, она яростно дергает его.

— Помочь? Или ты решила вырвать его с мясом?

— Замок заело, гений! — шипит она.

Я наклоняюсь к ней. Наши лица снова оказываются в сантиметрах друг от друга. Тянусь рукой, касаясь ее пальцев. Она замирает.

Отщелкиваю пряжку, и ремень с тихим шелестом уезжает в паз.

— Нежнее, Ведьма. И это не только ремней касается… — произношу тихо, глядя на ее пухлые губы.

Мое сердце делает кульбит, когда я ловлю себя на мысли — какого они вкуса?

Ведьма резко отодвигается, распахивая дверь.

— Спасибо за инструкцию, — цедит она, вылезая. — Обязательно воспользуюсь.

Я выхожу вслед за ней, скрывая ухмылку.

За забором слышен радостно-истеричный лай десятков собак.

— Как это понимать? — Ко мне спешит рассерженная Танюха.

— Да как хочешь, — морщусь от ее тона.

— Но мы так не договаривались!

Сосредоточенная Ведьма после короткого разговора с каким-то дядькой подходит к нам.

— Не переживайте, Татьяна, — без тени улыбки обраща-

ется к ней. — Вы же хотели максимум искренности? Что ж, здесь очень много харизматичных персонажей. А главное, их искренность вы не купите.

Вера разворачивается и чешет в сторону входа.

— Зачем мы здесь, Зая? — догоняю ее.

— Я тебя просила! — рычит на меня, но быстро берет себя в руки. — Одному моему другу нужна помощь.

Что-то ты темнишь, дорогая.

— А у друга, случайно, не четыре ноги? — осеняет меня догадка.

Ведьма молчит, как партизан. Но я и так уже все понимаю.

— Че, друг твой рискует лишиться своих фаберже?

Зайцева мрачно жует губу, прежде чем тихо признается:

— Хуже. Хозяин урод и хочет его усыпить.

27. Тим. Триста

Дверь в контору распахнута настежь, и оттуда доносятся вопли.

— Да потому что, блядь, это моя собака! — сиреной надрывается мужик, нависая над сидящим за столом щуплым дедом.

На вид скандалист — типичный скуф, с пузом, пропитой рожей и повадками маргинального отброса. В общем, быдло обыкновенное.

— Ну зачем он вам? Оставьте животное в покое, — кажется, в сотый раз говорит ему дед. Судя по всему — директор этого приюта.

— По закону псина моя! — рявкает быдлозавр. — А тут приехали эти ваши бляди, украли у меня пса!.. Да ваша шарашкина контора завтра ментам это будет подробно объяснять. Собаку мне вернули щас же!

— Не отдавайте, он живодер! — восклицает Вера и рвется вперед.

— Пошла на хуй отсюда! — тут же переключается на нее быдлан, делая шаг в нашу сторону.

— Мужчина, ведите себя прилично! Вы в общественном месте, — неожиданно подает голос Танюха. — За оскорбления тоже есть статья. Или хотите, чтобы завтра вас по всем каналам показывали?..

— Че-го?! Камеру убрал! Убрал, я сказал! — замахивается кулаком на оператора. — Ща братков вызову, быстро порешают!

Так. Все, блядь. Ебал я этот политес.

За шкирку отдергиваю заряженную Ведьму в сторону.

— Чтобы здесь стояла и никуда не лезла. Поняла?

Зыркаю на открывшую было рот Танюху, чтобы тоже лишнего не говорила, и шагаю внутрь помещения.

— Решать ты чо собрался? — обращаюсь к живодеру.

— А ты еще кто? — тут же бычит он на меня, склоняя набок башку.

— Добрый волшебник… — Достаю из кармана лопатник, раскрываю, демонстрируя лаве. — …который хочет купить у тебя пса.

— Че-го? — тянет, а зенками уже рыжие банкноты лапает.

— Сколько? — расчленяю его взглядом. — Пятьдесят? Сто?

— Триста! — ухмыляется эта мразь, щеря гнилые желтые зубы. — А может, и пятьсот.

— Пятьсот? Не многовато?

— Смотрю у тебя денег до хуя, — злорадно лыбится и достает из кармана складной нож. Лезвие выстреливает со щелчком. — Давай, гони все бабки, щенок, раз такой щедрый!

Вот так всегда, блядь.

— Да что ж за день такой, а? — тихо выдыхаю.

— Че ты там вякаешь?

Бросаю взгляд на оператора, торчащего в дверном проеме, и едва заметно качаю головой. Мужик тут же уводит объектив камеры на клетки. Понятливый.

— Держи!

Швыряю лопатник борову в лицо. Он ловит его на автомате, выпуская нож, а я уже подсечкой ставлю его на колени. В следующее мгновение я за его спиной. Зажимаю локтем жирную шею, перекрывая кислород.

— Пус-с-сти-и-и, — сипит, пытаясь вырваться из хватки.

Его рожа становится малиново-красной, на виске набухают вены.

— За триста остосешь у тракториста, — говорю ему ровно. — А за пятьсот я тебе помогу с каминг-аутом. Как думаешь, на сколько лет тебя набутылят за пидарасню наши доблестные полицейские?

Сжимаю руки сильнее. В башке голосом Севы Панченко отсчитываются секунды до полной отключки боровской туши.

— Не-чем ды-шать, — выталкивает посиневшими губами мужик.

— А ты не трать кислород зря, — ласково советую и бросаю взгляд на старика.

Дед сидит с покер-фейсом.

— Так на чем мы остановились? — Встряхиваю быдлана. — Сто — мое последнее предложение. Или ты хочешь три-

ста?

И еще немного усилим нажим.

Подбородок его дергается, будто он что-то хочет мне сказать.

— Сто, и собака моя. Ну?!

Он лупит мне ладонью по предплечью.

— Супер!

Отпускаю его. Мужик кулем валится на пол. Его громкий надсадный кашель перекрывает даже лай собак снаружи.

Поднимаю лопатник, попутно запинывая нож куда-то под стеллаж. Беру со стола деда ручку и чистый лист бумаги.

Бросаю это все чуток помятому быдлану:

— Пиши.

— Что писать? — сипит он, капая слюной на пол.

— Объяснительную, блядь! — рявкаю на него. — Договор купли-продажи…

В проем просачивается обеспокоенная Ведьма.

«Ну я же бросил!» — без слов закатываю глаза.

В ответ она упрямо задирает подбородок: «Я не обязана слушаться».

Ведьма, одним словом.

— Пиши «я такой-то такой-то, паспорт… — диктую быдлану. — Продаю собаку. Кличка, порода… че там еще надо писать? Вин?

— Собака не чипирована, — подсказывает мне дед.

Киваю ему. Поглядываю то на напряженную Ведьму, то

на мужика, трясущейся рукой выводящего каракули.

— Написал? Дальше прочерк ставь, остальное я сам впишу. Подпись, дату, ага.

Убедившись, что быдлан записал все верно, забираю листок и протягиваю деду:

— Копию сделай, отец.

Отсчитываю банктноты, швыряю под нос бывшему хозяину Данте:

— Твои бабки.

Забираю свой листок и складываю в карман.

— Ты мне за это ответишь, сучонок, — хрипит мужик, пытаясь встать с колен.

Дергаю уголком рта и подхожу к нему ближе.

— Я тебе уже ответил, — бросаю лениво. — Но ты, видать, не из понятливых.

Присаживаюсь перед ним на корточки. Спокойно встречая взгляд, полный неприкрытой ненависти.

Мда. Молодец, Тимошка, заводишь новых друзей.

— Когда пробухаешь все бабки и отойдешь от похмельного синдрома, ты вспомнишь, что ебать какой смелый мужик, а не просто насрано. И обязательно захочешь взять реванш над… как ты сказал?.. богатеньким сучонком.

Хрущу костяшками пальцев и позволяю жажде переломать все кости вырваться наружу.

— Я тебя буду ждать… и в следующий раз без подарков в виде переломанных конечностей не отпущу.

Я сейчас абсолютно серьезен. В его глазах мелькает что-то похожее на страх.

Поднимаюсь и беру за руку Ведьму:

— Показывай псинку.

Мы стоим перед вольером, и я не сдерживаю удивленного свиста, на который тут же отзываются хором собаки в соседнем отсеке.

— Когда ты говорила о собаке, я подумал, что это будет какой-нибудь милый пудель или шпиц, — задумчиво тру подбородок, разглядывая пса, развалившегося в клетке. — А это же машина!

— Это Данте, — Вера с благоговением смотрит на хвостатого.

Вкладываю ей в руку бумагу:

— Он теперь твой.

— Мой?

Тону на секунду в прозрачной зелени ее широко распахнутых глаз и ловлю себя на мысли, что мне нравится не только бесить Ведьму… но и радовать.

— Твой.

Ахнув, она вдруг бросается ко мне в объятия, но, не успеваю я это осознать, как она быстро отстраняется.

— Ой, — неловко мяукает.

— Эй, а ну, вернись обратно! — Притягиваю ее к себе. — Мне понравилось.

Особенно, упругие сиськи, которые так удачно вжались в

мою грудь.

Боец в трусах мгновенно реагирует на близость и рвется выказать даме все свое почтение. Но Ведьма не была бы ведьмой, если бы не обломала весь кайф, расстроенно проныв:

— Я не могу его забрать себе.

Говорю же, обломщица сотого левела.

— Как он будет жить в коммуналке?

А подумать заранее — не судьба?

Не озвучиваю свои мысли вслух. Ведьма смотрит на меня с такой надеждой.

Криво ухмыляюсь, глядя на огромного грустного пса.

— Ладно, Зайка, будешь моей должницей. Есть у меня одна идея.

Бабуля, ты будешь в полном восторге.

28. Вера. Поехавшая

— Что ты задумал? — смотрю с подозрением на Тимофея.

— Сюрприз!

И он неожиданно щелкает меня по носу.

— Эй! — Тут же отбиваю руку. — Клешни свои убрал!

В ответ этот гад самодовольно лыбится и поднимает вверх ладони, мол, «я белый и пушистый».

Отворачиваюсь от него к Данте. В крови бурлит коктейль из адреналина и дофамина. Я всеми рецепторами чувствую — он слишком близко.

И меня это раздражает... Да же?

Пес поднимается со своего места и медленно подходит к заграждению. Сафонов бесстрашно просовывает руку через прутья решетки.

Не успеваю я предупредить придурка, что Данте может расценить это, как угрозу… как пес неожиданно бодает лобастой башкой протянутую ладонь.

— Не ссы, друже, все теперь будет хорошо, — рокочет Сафонов, поглаживая Данте за ушами.

Бросаю короткий взгляд на его лицо.

Кто бы мог подумать, что белобрысый мажорик окажется тем еще решалой.

Черт, да я испытываю к нему нехилое такое уважение!

«Вот тебе, Зая, и провальное первое впечатление!»

Незаметно морщу нос. Прицепилось уже это дурацкое прозвище. А я его теперь даже Гадом не могу назвать. Не после того, как он спас Данте от ада.

Сафонов делает «пуньк», мазнув по собачьему мокрому носу, и двигает в сторону конторы.

— Ты куда?

— Организую ему на сегодня здесь апарты, — беззаботно пожимает он плечами. — А завтра заберу на ПМЖ. Вот счастье-то будет…

При этом улыбается так загадочно, что я не сразу вкуриваю, о чем эта Мона Лиза мажористого розлива говорит.

— Он тебя не стеснит? — пристраиваюсь рядом. — Хотя, у тебя же наверняка хата размером со стадион…

— Ха! — фыркает Сафонов. — Скажешь тоже. Стадион. Если только половина. Да и то…

— Что?

Сафонов бросает странный взгляд на Татьяну. Тоже смотрю на нее. Она как раз с командой двигает в сторону выхода.

Ну, конечно. Контента напилили, чего тут прозябать. Ну и аривидерчи!

Переключаюсь на Сафонова. Тот задумчиво трет темную бровь.

Красит он их, что ли?

И ресницы… еще и длинные, как у модницы.

— Я там затеял ремонт, — произносит наконец. — И временно бомжую.

— Гонишь!

— Неа.

А ведь он что-то такое говорил вчера…

Мажор вдруг останавливается и склоняется ко мне с глумливой моськой:

— Но если так сильно хочешь проверить… — У меня от его рокота мурашки на руках и плечах всполошились. — … как там у меня дела со спальным местом — милости прошу.

— Размечтался!

— Осторожнее, Ведьма, ты же мне должна теперь, как земля колхозу.

Не успеваю я понять — угроза это или подъеб, как этот наглец делает мне «пуньк» и скрывается за дверью конторы.

Вот же… стервец. Но в одном он прав.

Я должна ему. А добро всегда надо возвращать. Возможно, насильно…

***

— Слушай, а в вашем клоповнике не сдают комнату? — огорошивает меня вопросом Сафонов, стоит нам только выехать в сторону следующего обязательного пункта моего «забега добрых дел».

— Если ты типа решил выебнуться и устроить себе выживалисити... — Смотрю на него, как на умалишенного. — Категорически не советую. У моих соседей слишком нежная и ранимая психика.

Дергает уголком рта, опаляя меня взглядом из-под своих

коровьих ресниц — как развидеть это теперь, аллё?! — и нацепляет на моську покерфейс:

— Я серьезен, Ведьма, как никогда. Мне нужен свой теплый угол.

— Ага, конечно. Лечи кому другому. — Качаю башкой, поглядывая в окно. — Все же мажоры, обеспеченные бабками так, что они из жопы торчат, живут в общагах и жрут бич-лапшу…

— Бич-лапша? — тут же переспрашивает Сафонов.

— Бо-о-оже, — у меня закат глаз. — И он собрался жить в коммуналке с одним толчком на десять срак…

Сафонов задирает бровь.

— Ну ты-то там как-то живешь.

— Ибо мне некуда съебаться! — чеканю зло. — Найди себе нормальную хату с теплыми углами и радуйся.

Отворачиваюсь, сигнализируя, что разговор «финита ля комедия».

— Вот же… ведьма! — различаю на грани слышимости и едва сдерживаю улыбку.

К центру крови мы добираемся в благостном молчании. На этот раз я успешно эвакуируюсь из тачки, избежав близкого контакта с Сафоновым.

Киваю оператору и еще одному парнишке из команды, которые приехали по моей просьбе, и радуюсь, что на этот раз без мерзкой Татьяны.

— Ты че задумала, Ведьма? — Мажорище недоуменно

смотрит то на меня, то на табличку здания.

— Творить добро.

— Здесь? — Задирает он брови. — Это какой-то новый вид мазохизма? Ты ж в отключке валяться будешь…

— Это уже мое дело, — цежу сквозь зубы.

— Поехавшая.

Завожусь и повышаю голос:

— Да, поехавшая! А ты что полезного сделал в своей никчемной жизни? Смыл за собой?

— Да не кусайся ты, злюка. Каждый дрочет, как он хочет, — со смешком отбивает мою подачу и раскрывает передо мной дверь. — Прошу.

Он шлепает за мной следом до регистратуры и к моему удивлению берет бланки на сдачу крови.

— Заодно прослежу за твоей тушкой, когда отъедешь от вида иголки, — с кривой ухмылкой подъебывает меня и быстро заполняет строчки.

29. Тим. Обезоружена

Ведьма, которая еще недавно от одного вида крови чилила в обмороке, уверенно держит курс в кабинет под номером восемь.

Чеканит шаг, вся такая деловая колбаса.

На пороге, правда, ее броня слетает, и Вера буксует. Лицо ее приобретает цвет бледной немочи.

Без раздумий подхватываю ее под локоть, чувствуя, как она напряжена.

— Ну и кому нужен этот героизм? Ты ж трясешься вся от страха.

Ее глаза сверкают как у кошки, когда с такой же ловкостью она выворачивается из моего захвата и делает шаг вперед.

— Мне. Мне нужен.

Ну ок. С шизанутыми же не спорят?

Рассаживаемся рядышком.

— Привела новую жертву, Верунь? — Медсестра стреляет в меня любопытным взглядом.

— Ага, решила — чего добру пропадать, — фыркает Зайцева, а у самой губы посерели.

— Порядок? — вклиниваюсь в их беседу, глядя прямо на Ведьму.

Ведьма едва не дрожит от страха, но выталкивает хриплое:

— Норм.

— Верунчик у нас боец! — Медсестра быстро закрепляет ей трубку системы и переключается на меня, в ее взгляде лукавинка: — Парень твой, Вер?

— Нет! — выстреливает Зая, едва не подпрыгивая до потолка.

— Ага! — одновременно с ней говорю я, растягивая губы в самой наглой ухмылке.

— Он не мой парень!

У Ведьмы даже краски на лицо возвращаются.

Да ты ж моя хорошая!

— Но я активно работаю в этом направлении, — подливаю бензинчика в костер, наслаждаясь, как Ведьма на нем корчится.

Ну вижу же, как ты хочешь выматериться со вкусом, а не можешь при зрителях.

Кажется, я откопал твой криптонит.

Медсестра посмеивается, глядя на нас, а Ведьма ожидаемо шипит:

— Только посмей еще раз такое вякнуть!

Взглядом же обещает мне расчлененку.

Обожаю!

Пока меня чекрыжат иголкой, злая Зая разглядывает потолок с видом, мол, ебать, как интересно! Но я вижу, как напряжена ее челюсть, а кулачок, что сжимает синий мячик, аж побелел.

Как только остаемся одни, ловлю ее холодную, липкую от пота ладошку.

— Что ты делаешь? — Ведьма шокированно округляет глаза и пытается конечность отобрать.

Чего ты так всполошилась? Я ж не болт достал.

Сжимаю ее пальчики чуть ощутимей.

— Мне страшно, Зая, — сообщаю доверительно. — А ты ж за меня в ответе. Вдруг сейчас сорву это все и убегу в закат… и растеряю по пути свою бесценную золотую кровь.

— Балда. Руку пусти.

— Неа. — Качаю головой. — Это мой антистресс.

— Тебе мячик дали… его и тискай! И вообще, кулаком лучше работай!

Склоняюсь к ее ушку.

— У-у-у, злюка, знала бы ты, как активно я им работаю в последнее время, — произношу почти беззвучно, точно зная, что она меня не слышит, но чувствует мое дыхание на шее. — Буквально удрачиваюсь до кровавых мозолей на пальцах…

Ведьма поворачивается ко мне.

— Больше никогда так не делай!

В потемневшей зелени глаз плещется гнев… и обида.

— Да я прикололся, Вер.

— Ты что-то сказал…

— Нет.

— Врун! Повтори, — требует, раздувая ноздри. — Повто-

ри немедленно!

— Ты точно хочешь это знать?

О да, Ведьма, это моя маленькая месть тебе.

— Ну! — поторапливает меня. — И только посмей мне соврать. Я без труда это пойму по твоей наглой роже.

Пожимаю плечом.

Раз дама просит.

— Я сказал, что в последнее время мой кулак работает в режиме «удрочись до смерти», — произношу, глядя ей в глаза.

Жду, пока Ведьма переварит информацию.

Ее щеки пылают красным румянцем.

— Убери свои клешни от меня, извращуга, — рявкает она шепотом.

— И если ты хочешь узнать, в чью честь мои праздничные салюты по утрам, — невозмутимо заканчиваю, кивая на наши сцепленные ладони: — Просто отпусти мою руку. И я расскажу… а, может, и покажу…

— Придурок!

Ведьма отворачивается от меня. Но, что самое забавное. лапку свою больше не выдирает из руки.

Трусишка.

Разваливаюсь в кресле поудобнее, тискаю в другой ладони силиконовый мячик — а лучше бы тискать сиськи упрямой, злобной Ведьмы! — и чувствую себя дурак-дураком. Ибо счастлив до усера.

Металлический ящик у изголовья издает тихие щелчки, выкачивая из меня кровь.

Бросаю взгляд на профиль притихшей Зайцевой. Глаза закрыты, на щеках пятна, грудь вздымается слишком часто.

Рисую большим пальцем на ее коже вензеля, поглаживая чувствительные точки.

Вера громко сглатывает и распахивает свои зеленые, кошачьи глаза, мол, какого хрена!

Пялимся друг на друга.

Я тебя волную, Ведьма, признайся! Будоражу твою тушку сильнее, чем страх крови.

Зая безмолвно бросает мне вызов, задирая чуть вверх подбородок. А венка на шее бьется в ускоренном ритме. Да и мой мотор троит не по-детски.

Хмыкаю.

Ты меня тоже.

А мы даже не в койке…

Расслабленно мну ее пальчики, медитируя на порно картинки в своей голове.

Ну что, Ведьма. Ты обезоружена. Обездвижена. И моя… на пятнадцать минут.

30. Тим. Это у тебя в крови

После этой гребанной экзекуции, где с нас сцедили почти литр крови на двоих, вываливаемся наружу.

Ведьму как-то подозрительно шатает. Да и вообще, выглядит она — краше только в гроб кладут.

— Порядок?

— Ты попугаем заделался? — Зая демонстрирует мне закат глаз. — Я не первый год доначу…

В этот момент она спотыкается и едва не летит с лестницы башкой вперед.

Ловлю и прижимаю к себе.

— Отцепись! — шипит.

— Че ты агришься? Не видишь, я чуть живой иду. Где твое дружеское плечо, м?

Подкалываю ее, конечно. Но я уже вкурил, что по-другому Ведьма помощь от меня не примет.

— В звезде на букву пэ, — огрызается в своей припизднутой манере, но не рвется больше. Наоборот, сканирует мое лицо внимательным взглядом.

Окей, изображу немощного. Лишь бы не отпускать эту мегеру. А то ведь наебнется же сейчас и нос свой курносый расквасит.

— Злая ты. — Веду ее к тачке. — Пошли пожрем чего-нибудь.

— Я не голодна.

Ага, охотно верю.

— Не свисти, я твой желудок на просвет вижу. И, кстати, после донации положено есть…

В буклете, что мне всучили в регистратуре, так и было написано.

— Погнали, харош ломаться.

Пакую Ведьму на пассажирское, машу рукой мужикам из команды Танюхи и по газам.

Слона бы сожрал! Ну или на худой конец одну вредную Зайку.

Ведьма до самого ресторана сидит тихо и что-то мозгует. Надеюсь, не очередную кару моим яйцам.

Паркуюсь у рестика, где часто зависали с семьей.

— Мы проехали до черта точек с фастфудом ради пафоса?

Ведьма недоверчиво разглядывает интерьер, сидя при этом в кресле так, будто ей кол вогнали в задницу.

Тоже следую ее примеру, пробегаясь глазами по залу.

— Нормальное место, чего тебе не нравится?

— Цены.

Ведьма сердито разворачивает ко мне меню.

— И чо там?

— Нулей слишком много! Спасибо, я ничего буду, — обращается она к официанту и демонстративно складывает руки на груди.

Бля-я-ять! Чо ж с тобой так сложно-то все, Ведьма?

А жрать реально хочется. Но эта же радужная гангрена выеживаться битый час будет и ни куска не съест.

А мне надо, чтобы съела!

Резко отодвигаю кресло и встаю. Хватаю ошарашенную Зайцеву за руку и тащу за собой.

— Э, ты чего?

— Погнали.

— Куда?

— Жрать, где тебе не жмет, блядь, — рычу себе под нос, но Ведьма все прекрасно читает по губам… и, я готов поклясться, эта стерва довольно лыбится в ответ.

***

Ведьма вгрызается в бургер и протяжно стонет с набитым ртом:

— М-м-м, обавдеть, как вкушно!

С сомнением разглядываю свой кинг-чего-то-там-по-сибирски. Пахнет так, что слюной можно захлебнуться. Но, бля, я точно потом не улечу вместе с толчком на Марс?

— Ешь давай, брезгун! — со смешком подбадривает меня Зая.

— Если что запомни меня таким, — бросаю фразочку из культового фильма и делаю смачный кусь.

Ебать, да это реально вкусно!

— Ну? — Ведьма фыркает, заглядывая мне в лицо.

— Охуенно готовишь, Вер, — отвешиваю ей комплимент.

Хмыкает с оттопыренной щекой. Довольная.

Активно работаем челюстями. Сочное мясо и соус взрывают мои вкусовые рецепторы, и свой бутер я приканчиваю первым.

— А ты кочевряжился!

Ведьма расплывается в широкой улыбке и сыто откидывается на пластиковом стуле. Довольная и до усера милая.

— У тебя тут на щеке, — показываю пальцем на свою. — Усвинячилась.

Ведьма зеркалит жест, стирая несуществующий соус.

— Все?

— Неа. Только сильнее размазала…

Снова проводит салфеткой. Закусываю губу, чтобы не заржать.

— А теперь?

— Теперь ты похожа на Джокера. Помочь?

— Черт с тобой! — раздражается. — Давай…

Она даже придвигается ближе.

Помогаю «убрать» соус и делаю пуньк по кончику носа.

Ведьма стреляет глазами на абсолютно чистую салфетку, и выражение ее лица моментально становится кровожадным.

— Ах ты.!.. — прищуривается и хватается за пластиковую вилку.

— Осторожней, проткнешь еще себя! — откровенно ржу над ней. — Один удар, четыре дырки.

— Гад!

— Ведьма.

— Мажорище!

— Отрыжка радуги.

— Белобрысый опарыш!

— Эй! — в ахуе смотрю на раздраконенную Зайцеву. — Опарыш-то к чему?

Мстительно прищуривается, прожигая меня своими глазищами.

— Ассоциация подходящая.

Ну охуеть не встать!

— И это вместо спасибо, — ухмыляясь, качаю головой. — Я-то уж подумал, что сытая ты подобреешь… но эта сучность у тебя в крови.

Делаю большие глаза.

— Тебе точно разрешено ее сдавать? А то еще отравишь кого…

— Ах ты!

Зайцева швыряет в меня скомканные салфетки. Естественно промахивается.

— Мазила.

— Дурак!

Ведьма по-детски показывает мне язык, а потом сама же начинает смеяться.

Ну вот. Может же быть нормальной.

31. Тим. Душа Ведьмы

— Рассказывай, чем еще занимаешься по жизни? — Стреляю глазами в подобревшую Ведьму.

Задирает бровь, мол, чего прицепился.

— Ну вот котиков-собачек спасаешь, кровь раздаешь, — загибаю я пальцы. — Кстати, она у тебя красная, а я все надеялся увидеть черную, как твоя душа!

— Балда, — Ведьма морщит свой курносый и слегка конопатый нос.

— В центре волонтеришь… — Добавляю я еще один палец.

— Посуду мыла до недавнего времени… пока ты со своей компашкой не устроил мне прожарку по-мажорски, — язвит, делая глоток из высокого стакана с газировкой.

— Черт, Ведь… Вера, ну я же извинился.

— Ага, и я все еще жду, когда на тебя шмякнется метеорит. — Ведьма косится на нетронутый мной картофель-фри.

— Ешь, — подталкиваю к ней пропитанный маслом бумажный лоток. — А то мне смотреть на тебя больно.

Ведьма не ломается и, сцапав картошку, с аппетитом ее ест. Она вообще не парится, и мне это даже импонирует.

Заебали эти вечные понты и ужимки телок а-ля «ой, мне только фреш и листик салата» и «ой, я только попробую у тебя кусочек». Закажи ты нормально и ешь! Но это какой-то

телочий чит-код, который здоровой логикой не понять.

А Вера… ей вообще до сиреневой звезды, что о ней думают люди. И я в частности.

Это даже как-то… обидно, что ли. Настолько ее не впечатляю, что ко мне внимания меньше, чем к мусорному баку?..

— Если ты закончил пыриться на мое лицо… — вырывает меня из мыслей ее насмешливый и тихий голос. — Поехали?

По распоряжению моей госпожи рулю в сторону центра.

— И все-таки, Вер, почему ты этим всем занимаешься?

Этот вопрос вертится у меня в башке с момента, как мы сели в тачку.

— Потому что могу.

—Это я уже слышал. — Скашиваю на нее глаза. — Но не проще ли помогать как-то… материально? Закинул копеечку, и все — добро свершилось. Фондов щас же куча развелось. Там и люди есть специально обученные, и все такое прочее…

Ведьма невесело усмехается:

— Типа добро по графику? На этой неделе во вторник и четверг, на следующей — в пятницу, а по субботам и воскресеньям выходной? Так, что ли?

Качает головой.

— Вот что ты после себя оставишь, м? Кроме биоразлагаемой тушки…

Не знаю. Мне только двадцать один, вся жизнь впереди.

Так глобально я еще не думал.

— Для кого-то смыть дерьмо за собой — ахуеть какой подвиг, — фыркает Ведьма. — Кто-то гордится, что сегодня только один раз пожелал смерти соседу вместо привычных десяти. И если никто из них не устроит армагеддон, то никакого следа они после себя не оставят.

— Так сильно хочешь «наследить»?

— Нет, — отвечает она, ровно и без привычной издевки, а потом переводит взгляд в окно. — Мне достаточно знать, что я помогла кому-то сегодня, завтра… Одному или сотне людей — не важно.

Ловит мой взгляд своим колдовским, в котором горит вера в то, что она говорит.

— Важно только то, что если хоть один из них вспомнит меня добрым словом… значит, я сделала все правильно.

Ебать, какой махровый альтруизм!

В шоке смотрю на Ведьму и уже приоткрываю рот, чтобы спустить ее с наивных небес на грешную землю… но проглатываю все свои колючие слова.

Заталкиваю обратно в глотку и трамбую до самой задницы.

А знаете, почему?

Вы щас ржать будете гиенами, но я будто только что увидел душу Ведьмы.

Маленький такой… крохотный кусочек. Осколок чего-то невероятно светлого и бескорыстного, который она мне по-

казала.

И мне зашло.

Еще хочется.

Это какой-то максимально странный кайф. Балдеть от девки, с которой у вас ничего общего по жизни. Просто в ноль.

Но ведь штырит. Штырит, сука, так, что не вдохнуть. В салоне максимальная концентрация дождя и ванили, и я сам пропитался этим запахом до донышка.

Встроил его в свою цепочку ДНК, насрав три кучи на все законы генетики, и теперь, как еблан, теку от того, что *она* просто сидит рядом…

Сидит и смотрит на меня, как на помешанного.

А я он и есть!

Первым отвожу взгляд.

— О, мой универ, — Ведьма тычет пальцем в окно… на помпезное здание моего универа.

Да ладно?!

— Ты здесь учишься?

— Ага, — грустно тянет.

— Так, стоп, а чего я тебя тут ни разу не видел? Я б такую бешеную… — кручу рукой вокруг своей башки, — палитру точно бы не пропустил.

— Ха-ха, очень смешно. Я бы тоже такого прыща на слоновьей жопе не забыла, как жаль, что меня отчислили…

— Из-за этого?

Касаюсь уха.

— Отчасти, — неохотно признается, обнимая себя за плечи. — С успеваемостью стало фигово. Денег на оплату семестра не было. Бабушка еще заболела, и я бросила…

— А академ взять?

— Я тогда не думала об этом. А сейчас уже все равно. Когда-нибудь доучусь.

Перестраиваюсь и ухожу на разворот.

— Что… куда мы?

— Да не ссы. Щас только поздороваться зайдем, — подмигиваю крайне удивленной Ведьме и заезжаю на территорию универа.

В башке созрела одна идейка.

— Что ты задумал, Сафонов?

— Да вот решил немного наследить.

32. Вера. Ща будет мясо!

— Ты больной на всю голову! — шиплю, оглядываясь по сторонам.

— Пфф, — довольно фыркает этот гад и тащит меня на буксире ко входу.

Сколько я здесь не была? Больше года…

Сафонов кивает всем встречным-поперечным. А чего здесь народу-то столько? Вроде лето…

Ах, точняк! Все же поступать приехали.

Проталкиваемся через толпу абитуриентов к дверям ректората.

Тим, мало заботясь о приличиях, распахивает дверь в приемную и подталкивает меня в спину.

— А вот и мы! — весело грохочет его голос в моей черепушке.

На нас с удивлением взирает симпатичная шатенка, но быстро берет себя в руки.

— Привет, Лизуньчик!

Меня едва не передергивает от этого обращения.

Зато сама Лизуньчик явно рада появлению Сафонова, потому что расплывается в милейшей улыбке и кокетливо поправляет локон у лица:

— Тима! Сто лет тебя не видела! Какими судьбами?

Сафонов в наглую усаживает свою задницу к ней на стол,

приминая какие-то бумаги.

— Да вот, пробегал мимо, решил заглянуть и поздороваться, — чешет он, едва не мурлыкая как большой котяра.

Хвоста только не хватает. Хотя… хвост у него как раз-таки есть. В штанах.

Я еще помню, как он меня вжимал в стену клиники.

— У себя?

Сафонов небрежно кивает на дверь ректора.

— Да, а…

Лизуньчик не успевает больше ничего сказать, как Сафонов уже спрыгивает со стола и бодренько шурует к заветной двери.

— Я только спросить, — бросает на нее еще один кошачий взгляд и скрывается за тяжелой дверью.

А я остаюсь торчать в приемной, как гвоздь в жопе. В смысле, чувствую себя такой же уместной и нужной.

Лизуньчик сканирует долгим взглядом сначала мои волосы, потом надпись на футболке, залепленный пластырем локтевой сгиб и, наконец, мои драные джинсы.

— Подождите за дверью, — царственно бросает она мне, наманикюренным пальчиком указывая направление.

А вот возьму и останусь.

Но я молча выхожу в коридор.

Смысл мне там торчать и чесаться от колючих взглядов Лизуньчика.

О, по ее недовольной мордашке можно было без сурдопе-

ревода прочитать, как она мне рада.

Ну еще бы.

Ставлю хабаровск, что шилозадый Сафонов тут что-то типа местного божества.

Богатый, смазливый мажор — ну комбо же для таких вот куриц, типа Лизуньчика. Ред-флаг по всем фронтам, а только такие и цепляют наивных дурочек.

Ты же не про себя, да, Вер?

Едва не встряхиваюсь всем телом от такой кощунственной мысли.

Чтобы я и обаяшка-говняшка Сафонов вместе? Бр-р-р!

Не. Стоит признать, что белобрысый опарыш умеет быть очень обаятельным, особенно, когда ему что-то нужно.

Но меня не обманешь красивой картинкой. Я больше всего ценю в людях людей. А в наш век нелюдей с этим, ой как, сложно.

Так что, только ненависть. Только хардкор.

Какая-то сильно недовольная мадам с печатью «я такой скандал щас учиню» на гипертоническом лице и с прыщавым чадом на буксире оттирает меня от ректората.

Жахает дверью так, что бронзовая табличка слетает с крепления и повисает вверх тормашками, превращая помпезную надпись в «абырвалг».

Ы-ы-ы.

Дверное полотно надежно заглушает все звуки, но я уверена, что Лизуньчика ждет эпичная битва.

Порви ее там, тетя! Но пасаран!

В коридоре стоит невообразимый гул, добавляя мне неприятных ощущений. Напяливаю «уши», выключая какофонию звуков, и успешно занимаю свободное местечко на подоконнике.

Ну, теперь только ждать, когда Сафонов вылетит белобрысой птичкой и грустно прочирикает, мол, не шмог.

До сих пор поверить не могу в его этот аттракцион неслыханной щедрости.

Данте, донорство… а теперь вот решил до кучи восстановить меня по блату в универе.

Без документов. Без бабла. Без нихуя, в общем-то.

Ага-ага.

Наивный богатенький мальчик. Он думает, что это все решается по одному щелчку? Или что я за все это воспылаю к нему нежной любовью?

Щаз.

Мимо проходит стайка расфуфыренных девиц, и среди них — вот это поворот! — одна знакомая мне рыжая мочалка.

Та самая сука, что отдавила мне каблуком пальцы в ресторане, а потом умылась морсом, тоже меня замечает и резко останавливается.

На ее лице шок быстро сменяется узнаванием. Змеиная улыбочка растягивает губы-пельмени.

Отвернувшись, Рыжая что-то быстро говорит своим по-

дружкам и берет курс на меня.

Ща будет мясо!

33. Вера. Капля яда

Рыжая и ее курицы окружают меня, разглядывая с нескрываемым презрением.

— Я думала, у меня глюки, — нападает она первой. — Что, убогая, пришла милостыню просить? Или сортиры мыть устраиваешься?

— Решила, что ты по мне соскучилась, дорогая.

Я сама доброжелательность.

После донации сил кусаться не осталось. Разве что только с Мажорищем, но у того пожизненная квота.

— Что ты там бормочешь? Я не расслышала. — Рыжая откровенно стебется под смешки ее подружек. — Ой, сорян! Ты ж у нас глухая сиротка. Спасибо, что хоть не промычала это…

Мерзость какая.

Дружно скажем папеньке Сафонова «вери биг сенькью» за то, что ославил меня на всю соцсетошную.

— Переживаешь за меня? Не стоит. А то еще запор случится… в твоем случае это опасно осложнениями, дерьмо через рот полезет.

Рыжая прожигает меня взглядом и кидает подружка:

— Чего ждать от нищенки? Интеллекта как у подошвы.

Развожу руками.

— Чем богата. Тебе бы тоже не помешало прокачать из-

вилины.

— Смелая какая… Ах, да. Ты же у нас теперь с Сафоновым трешься. Представляете, девочки, до какого уровня он опустится?! Он… — тычет в мою сторону пальцем. — И вот это!

Подруженции ее карикатурно распахивают рты и глазищи, явно имитируя шок-ужас.

Цирк ходячий.

Спрыгиваю с подоконника, оказываясь лицом к лицу с Рыжей. Она на своих каблучищах — та еще каланча. Но та предусмотрительно отходит на шаг.

— Ты закончила? А то мне еще сортир после тебя мыть.

Ее куры как по команде замолкают, переглядываясь.

— Предупредить тебя решила… по-дружески, — тянет Рыжая с акульей улыбочкой.

С такими друзьями врагов не надо.

— Думаешь, ты особенная, раз он с тобой возится? — выплевывает она, обжигая меня ненавистью. — Такая вся бедная, несчастная. Да он же просто поспорил, что залезет в твою дырку…

Рыжая изрыгает потоки грязи из своего рта, а я чувствую, как меня прошивает током от макушки до пяток.

— Мне не интересны твои больные фантазии.

— Не веришь? Зря. Они с парнями часто спорят, устраивая что-то типа тотализатора. С первого курса так развлекаются. Девочки, а помните ту новенькую в его группе… Чем-

пионку бывшую. Снежина вроде. Бессонов тогда Тиму продул. Ой, такой эпик фейл был!..

Куры поддакивают своей рыжей предводительнице, вбрасывая фразы.

А ведь я знаю эту историю! Кара рассказывала. Только вот подробностей таких не говорила. Выходит, Алекс спорил на нее… с Сафоновым.

Гадкая, иррациональная обида на белобрысого гада топит меня изнутри.

Он не мог… или мог? Нафиг ему это надо.

Уверена, Вер? Так хорошо его изучила за эти шесть дней? Еще в воскресенье ты мечтала свернуть ему шею за подкат в клубе, а сегодня верной Каштанкой ждешь у двери.

Что глобального изменилось?

Ничего.

Просто я решила, что он другой. Дура.

— Не переживай за меня… и мою дырку, — выталкиваю непослушными губами, сохраняя внешнюю невозмутимость. — Мы как-нибудь справимся. Но если хочешь свечку подержать или еще какой бесценный совет дать, не стесняйся…

— Больная!

Ага. Тут даже спорить не буду.

Роюсь в рюкзаке и достаю с десяток визиток центра. Пихаю их в руки офигевшей Рыжей:

— Если сильно топишь за убогих, приходи. У нас для каж-

дой пары золотых рук найдется работа.

Уверена, визитки через минуту окажутся в мусорке, но шанс я им — один хуй! — дам.

Быть говном до конца жизни или стать человеком — выбор каждого.

Отчаливаю от этой гнилой компашки на улицу. Не хочу больше тут находиться.

Душно, капец. И это я сейчас не про погоду.

Двигаю по ступенькам вниз и вываливаюсь на крыльцо. Отхожу в тень деревьев, подальше от компании парней и девок, насасывающих парилки.

Обнимаю себя руками. На улице пекло, а меня морозит.

Это все токсический шок от общения с Рыжей стервой.

Не признаюсь даже самой себе, но капля яда в ее словах сделала свое дело. Отравила меня… и вернула с небес на грешную землю.

Нам с Сафоновым параллельно-перпендикулярно.

Надо сваливать отсюда подальше от богатеев и их причуд, но я за каким-то хреном продолжаю торчать рядом с корпусом и ждать.

Глупая, глупая Зайка.

Сафонов появляется через десять минут. Напряженно сканирует взглядом пространство и взглядом находит меня.

— Ну и куда ты умотала? — ворчит, насупив брови. — Я тебя по всему этажу искал.

— Ну вот… нашел, — ежусь под прицелом его серых глаз.

— Дальше что?

Я уже по его лицу понимаю, что ни черта не вышло. И вопреки своей же установке чувствую досаду.

Бля, Вер, ну на что ты реально рассчитывала?

— Паспорт с собой?

В смысле? Молча смотрю на мажора во все глаза.

— Зачем он тебе?

— За лесом, там кустов больше, — цыкает раздраженно и снова хватает меня за руку. — Пошли уже!

Неужели у него получилось?!

— Дырку во мне не протри, — с кривой ухмылкой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.